КОСТЁР

ФЕВРАЛЬ 1980 2

В НОМЕРЕ:

Бой в тихой бухте — воспоминания бывшего юнги Ю. Ворожилова

КОСТЁР

2

ФЕВРАЛЬ

1980

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костер", 1980 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

В боевых походах
воспоминания юнги — 1

«Зарница», «Зарница», любимая наша игра — 3

Агент ленинской «Искры»
главы из повести
А. Зверинцева — 4

Своя тропа на земле
очерк Ф. Камалова — 9

Барабан — 14

Сердцем и именем
поиск юнкоров и
следопытов «Костра» — 20

Пять псевдонимов
очерк И. Вольпера — 22

Прочти эту книгу и ты! — 23

Рассказы Т. Дуровой — 24

Знакомься, твой ровесник! — 28

Мы еще встретимся
рассказ Б. Раевского — 29

Олимпийская викторина — 32

Тайны магнита — 35

Морская газета — 36

Фантастический рассказ
А. Моргуна — 38

Стихи твоих ровесников — 42

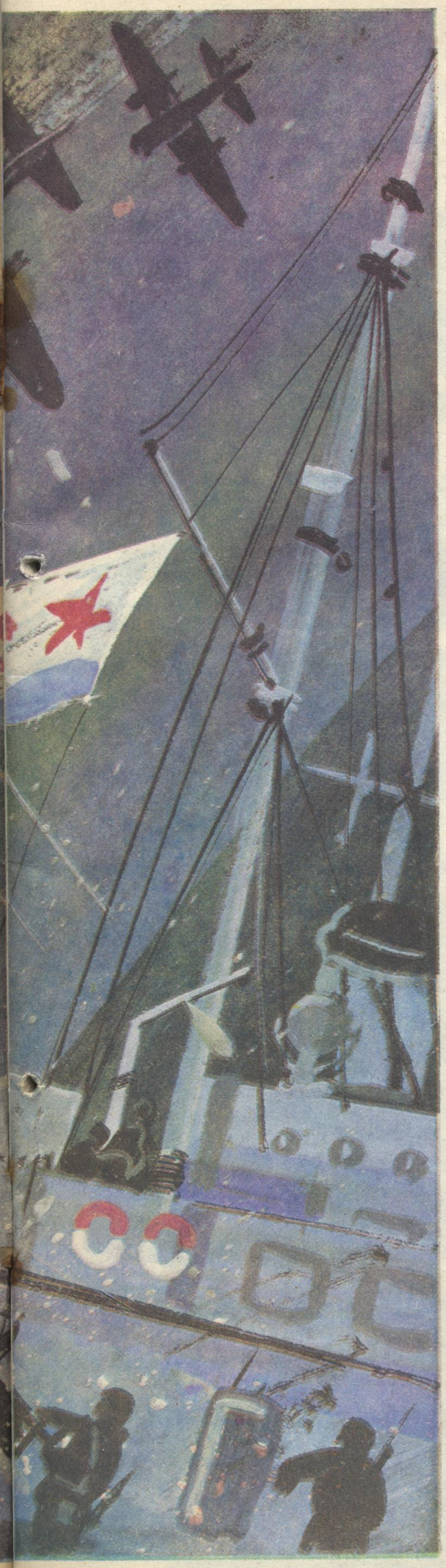
Арчебек — 43

Веселый звонок — 44

Спортклуб «Кузнечик» — 46

На обложке — рисунок Л. Иванова

В БОЕВЫХ ПОХОДАХ

СО СТАПЕЛЯ — В ПОХОД

На свой первый боевой корабль — бронированный «малый охотник» под номером 519 — я был назначен весной 1943 года после окончания школы юнг в Кронштадте. Мне шел тогда семнадцатый год, я с гордостью носил морскую форму и, как все наши ребята, рвался в бой.

Однако воевать пришлось не сразу. Оказалось, БМО-519 только начинал строиться, и экипаж для него формировали на заводе. После знакомства командир катера сказал:

— Придется участвовать в постройке своего корабля и одновременно овладевать его техникой, учиться.

Опять учиться? Помню, у меня тогда закралось сомнение: успеем ли спустить катер на воду до конца войны?..

Но через неделю после приварки первого шпангоута корпус катера уже был почти готов. На двадцатый день по густо смазанным «рельсам» стапеля катер плавно сошел в Неву...

После одной из ночных тревог, когда взревели главные двигатели, раздался свисток («Отдать носовой!»), за ним два свистка («Отдать кормовой!»). Долгожданный момент! Катер вышел на середину Невы и малым ходом, словно на ощупь, пошел по течению. Начинались боевые будни. На переходах я обычно находился в машинном отделении: следил за работой двигателя, за зарядкой аккумуляторов. По боевому расписанию я был подносчиком снарядов к 45-миллиметровой пушке, в случае тревоги выскакивал на верхнюю палубу и присоединялся к расчету «сорокапятки».

В ДЕСАНТЕ

В начале 1944 года мы несколько раз ходили к берегам Нарвского залива. Вызывали огонь на себя, чтобы по вспышкам орудийных выстрелов запеленговать расположение вражеских батарей.

Катер шел вдоль берега, занятого противником, ожидая обстрела. А противник молчал. На противоположном галсе мы подходили все ближе к берегу. Снова молчание. И только когда входили в пристрелянный фашистами квадрат, начиналась огненная карусель. Залп из четырех орудий — и мы резко меняем курс. Взрывы белыми султанами поднимались там, где только что прошел наш корабль. Командир как-то умудрялся при этом пеленговать вспышки выстрелов, щелкал секундомером, делал пометки в записной книжке.

Вскоре мы узнали, что готовится десант на Нарву. Наш дивизион должен был обеспечить высадку первого броска.

В приготовлениях прошла неделя. Мы до мелочей знали свои обязанности. Подготовили автоматы. В случае гибели катера мы должны были сойти на берег, влиться в десант.

Поздно вечером 13 февраля мы были подняты по тревоге. Катера подошли к пирсу. Через несколько минут стали подходить десантники. Они быстро и бесшумно разместились по кубрикам. Корабли один за другим отошли от пирса и взяли курс к месту высадки...

На верхней палубе темень. Идем уже более двух часов. Ход восемнадцать узлов. Все мысли о предстоящем деле.

Я вспомнил отца. Два с половиной года назад в студеную октябрьскую ночь вот так же шел он с отрядом моряков в Петергоф. Он был полковник, командир десанта и погиб в том бою.

Когда днище катера коснулось грунта, я вытолкнул трап

вперед и дальним концом упер в берег.

— Пошел! — прозвучал негромкий голос.

Десантники устремились вперед.

В ту же секунду лопнула напряженная тишина. Ударил орудийный выстрел, над участком высадки повис осветительный снаряд. Стало светло, как в ясную лунную ночь. Засверкали огоньками пулеметные точки, засвистели пули, надсадно взвыли мины.

Наша «сорокапятка» уже била по пулеметному гнезду противника. После первых выстрелов огонь оттуда прекратился. «Есть одна!»

На берегу раздалось «Ура!»— десантники порубили «колючку» и продвигаются в глубь обороны противника.

Бой продолжался. Но все реже цокали пули, реже рвались вокруг кораблей снаряды. Огонь противника слабел. Бой на берегу удалялся. И вот наступил момент, когда катер осторожно, не прекращая огня, стал отходить от берега. Мы возвращались на базу...

„ЮНКЕРСЫ“ ПАДАЮТ В МОРЕ

За время службы на БМО-519 мне пришлось участвовать во многих жарких схватках с врагом. Особенно запомнился бой с фашистскими самолетами, который произошел 4 августа 1944 года. Катера нашего дивизиона стояли, рассредоточившись в небольшой тихой бухте. Наш корабль оказался примерно посередине бухты. Командира не было, его вызвали в штаб дивизиона.

День был теплый, безветренный. Над водой летали чайки. Мир и покой. Казалось, война идет где-то далеко.

Ровно в полдень со стороны моря донесся ровный, нарастающий гул моторов, над горизонтом появились черные точки. На мачте берегового наблюдательного поста взвились два флага «Твердо». Это означало: «Самолеты противника».

Мгновенно заработали моторы катеров. Раздались первые выстрелы, навстречу самолетам — это были «юнкерсы» — полетели очереди трассирующих пуль, снарядов. Наш рулевой Ладик объявил боевую тревогу и рванул обе рукоятки машинного телеграфа: «Вперед, самый полный!» Катер начал набирать скорость. Времени отдавать швартовый конец не было, катер сорвал с якоря бочку, потащил ее за собой.

Команда верхней палубы была уже на своих постах. Вместе со всеми расчет нашей пушки — наводчик Леонид Ясинский, заряжающий Григорий Максимов и я, подносчик снарядов, — открыл огонь.

Мы успели сделать лишь несколько выстрелов, как над катером пронеслась тень самолета и справа у борта упали бомбы. Корабль качнуло, столб воды от взрыва взметнулся вверх и тяжело обрушился на корму. Осколки со звоном ударили по борту. Взрывной волной меня кинуло на кранец. «Жив! — мелькнула мысль. — Стрелять!.. Надо стрелять!»

Но стрелять было некому. У орудия лицом вниз неподвижно лежал Ясинский. Рядом — Максимов с окровавленной головой. Я бросился к нему.

— Гриша!.. Гриша!..

Гриша не поднялся. Осколок попал ему в висок...

Не помню, как я оказался у орудия. Оно было не заряжено. Рванулся к кранцу, достал снаряд, зарядил. Взялся за наводку. Навел — выстрелил. Раз... другой... третий... Работал изо всех сил. Секунда — вынут снаряд из кранца. Секунда — дослан в орудие. Еще секунда — выстрел... Стрелял молча, стиснув зубы, не видя ничего, кроме своей пушки и вражеских самолетов, понимая, что только огонь может спасти катер.

Очередной надсадный свист... Он заставил меня замереть.

Два мощных взрыва раздались совсем рядом. Снова сильно тряхнуло. Чуть не споткнувшись о лежащего Максимова, отлетел в сторону, ударился о спасательный кранец. Видел — осколком вырвало большой кусок броневого щита у орудия.

С трудом поднялся, бросил взгляд на рубку. Соседний пулемет молчал. У рубки неподвижно лежал другой пулеметчик — Гена Ампилогов. Носовое орудие молчало...

А с кормы заходил на боевой курс очередной «юнкерс».

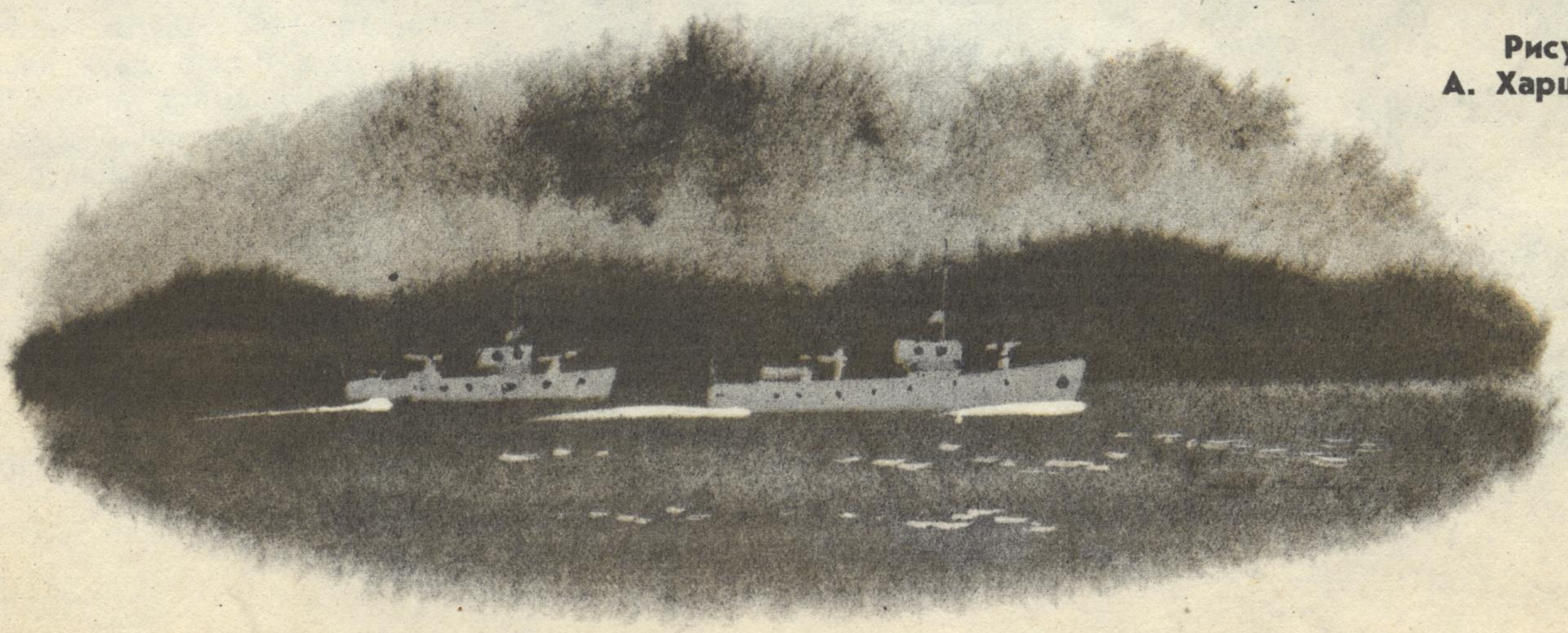
Заученно, почти механически выполнил все операции по заряжению. Огонь!..

Израненный наш катер делал крутые повороты, носился по вспененной поверхности бухты, а его кормовое орудие било и било.

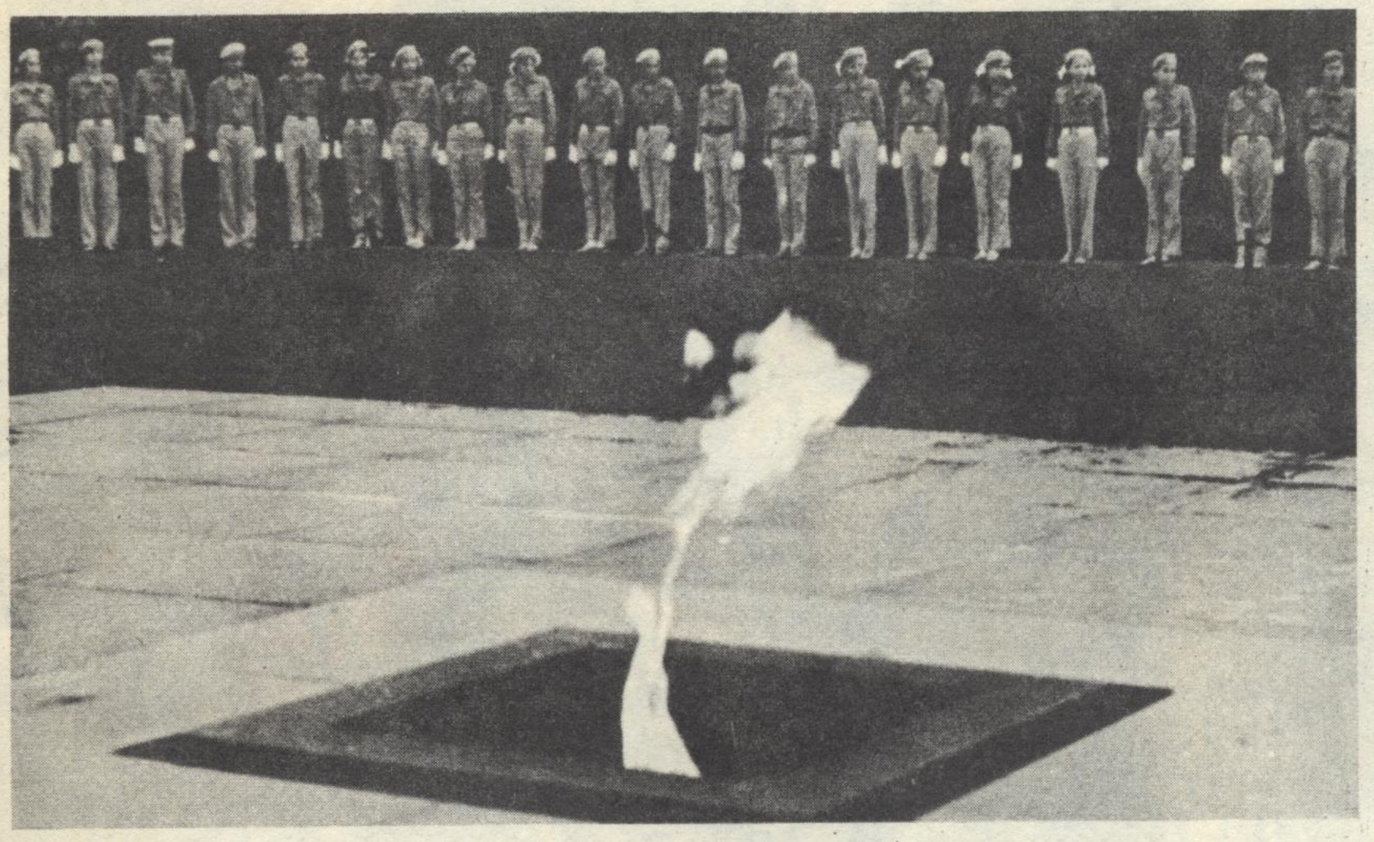
Позже мы узнали, что тот бой в бухте длился всего несколько минут. В налете участвовало восемнадцать «юнкерсов». Два из них были сбиты нашим зенитным огнем.

Юлий ВОРОЖИЛОВ

Рисунки
А. Харшака

„ЗАРНИЦА“, „ЗАРНИЦА“, ЛЮБИМАЯ НАША ИГРА...

У Вечного огня

Представители пионерских дружин Васильевского острова Ленинграда

Почетный караул у мемориала „Партизанская слава“

Вернулись из „разведки“

Пожарная эстафета

Фото О. Миронца

АГЕНТ ленинской „ИСКРЫ“

А. ЗВЕРИНЦЕВ ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ* **Рисунки И. Дяткиной**

МАГАЗИН НА АРБАТЕ

Паровоз зашипел, со свистом выпустил мощную струю пара и остановился.

— Вот я и дома, — весело сказал Ногин, шагнув из тамбура на перрон.

Он поставил красивый, немецкой работы чемодан. Огляделся.

— Ну, здравствуй, белокаменная Москва!

Мимо в белых передниках с бляхами на груди протискивались в вагон носильщики. От них пахло квасом и березовыми вениками.

На перроне сразу стало шумно, многолюдно, суетливо. Мелькнула в толпе фуражка городового и исчезла, растворилась среди женских шляпок, мужских картузов, заграничных котелков.

Ногин чуть постоял, поднял чемодан и смешался с людским потоком, который медленно повлек его к выходу.

Переждав небольшую очередь, он сдал чемодан в камеру хранения и отправился разыскивать нужный ему магазин на Арбате.

Здесь, в Москве, он был уже не Ногин, и не Новоселов, как в Лондоне или в Мюнхене, а Яблочков.

Побродив по улицам и переулкам Арбата, Ногин, то есть теперь уже Яблочков, наконец отыскал небольшой магазинчик и уверенно вошел в тесное, полутемное помещение.

В магазине пахло кожей, сапожной ваксой... На полках стояли сумки, портфели, висели ремни, гимназические фуражки, клеенчатые передники. На прилавке под стеклом сияли начищенные медные пряжки с двуглавыми орлами, всяких размеров латунные пуговицы, лежали пучки свиной щетины, разные щетки и щеточки, мотки веревок, гвозди...

Но самым неожиданным был зеленый попугай в клетке.

Попугай неподвижно восседал на тоненькой жердочке, просунутой сквозь прутья клетки, и, казалось, спал.

Продолжение. См. «Костер» № 1, 1980

Яблочков засмотрелся на попугая.

Словно почувствовав взгляд, попугай поднял веко и круглым зрачком уставился на дерзкого пришельца.

«Странная птица», — подумал Яблочков и повернулся к продавцу.

У продавца, толстого веснушчатого парня, по-видимому, болели зубы. Щека была повязана большим черным платком. Концы платка, завязанного на темени, торчали, как заячьи уши.

«Попугай, черная повязка, — усмехнулся Яблочков. — Прямо таинственный остров какой-то», — и, чуть наклонившись к продавцу, вежливо спросил:

— Могу я видеть Устинью Яковлевну Топову?

Неожиданно раздался какой-то странный скрежет: будто два черепка потерли друг о друга. Это смеялся попугай.

— Минуточку, — сказал продавец. — Минуточку...

Он потрогал больную щеку, погрозил попугаю пальцем и скрылся во внутреннем помещении.

Попугай перестал сотрясаться от смеха и, казалось, снова уснул.

— Как зовут тебя, птица? — спросил Яблочков попугая.

— Карлуша, — сказал попугай. — Карлуша, Карлуша...

— Вот молодец! — восхитился Яблочков. Он не ожидал, что этот попугай говорящий. — Ай да Карлуша!

— Денежку дай Карлуше, — опять сказал попугай. — Карлуше... Карлуше.

— С денежками у меня, брат, у самого туго, — засмеялся Яблочков, роясь в карманах. — Нету денежек, брат... Ау.

— Устинья Яковлевна просит вас, — сказал продавец, появившись из внутренних комнат, и опять погрозил Карлуше.

— Здравствуйте, — сказал Яблочков, войдя в маленькую, с большим зарешеченным окном комнатку, которую ему показал продавец.

За столом перед раскрытой бухгалтерской книгой сидела средних лет женщина в очках и что-то записывала.

Она поднялась из-за стола и протянула гостю руку.

— Здравствуйте, — сказала она. — Слушаю вас.

Как было условлено, Яблочков сказал:

— Мне нужен Доноди.

Явку к Доноди дал Ногину Владимир Ильич.

За те несколько дней в Мюнхене, которые он встречался с Ульяновым, Ногин многое узнал.

Ульянов показал ему письмо от московского представителя «Искры». Письмо было подписано: «Ваш Макс». Ногин уже знал, что за этим именем скрывается известный революционер Николай Эрнестович Бауман. Он же — Грач.

В своем письме Ульянову Бауман сообщал адрес, по которому московские агенты могут найти его в Москве.

«Вот адрес для явки ко мне: Арбат, магазин Келер, спросить Устинью Яковлевну Топову, а у нее спросить Доноди».

Письмо было написано не буквами, а цифрами. И прочесть его стало возможным лишь после того, как с ним поработала секретарь «Искры» Надежда Константиновна Крупская.

Первоначально строки выглядели так:

«Вот адрес для явки ко мне: 3.2 2.6 4.1 13.2 5.1 10.3 8.6 9.3 3.2 3.7 5.5 8.4 3.1 4.3 4.2 14.3 8.5 спросить 5.2 2.3 15.1 15.5 18.1 10.9 10.7 3.3 6.3 2.11 4.12 3.6 10.1 8.11 5.2 5.1 16.3 15.6 16.5 1.2 5.2, а у нее спросить 7.1 6.3 7.3 6.5 7.1 10.9»

Расшифровать такую запись без ключа практически невозможно. Ключом же обычно служило какое-нибудь стихотворение. Хотя могла быть и любая книга. Роман какой-нибудь. Или даже научная статья.

— Если ключом является стихотворение, — объяснила Ногину Надежда Константиновна, — тогда все его строки сверху вниз нумеруются по порядку: 1-я, 2-я, 3-я и так до последней. Поняли?

— Понял, — кивал головой Ногин.

— В зашифрованной части письма, — продолжала объяснять Крупская, — номера строк стоят слева от точки. Цифры, стоящие справа от точки, обозначают порядковые номера букв, взятых из этой строки.

Надежда Константиновна учила еще писать специальными, невидимыми чернилами. Фразы вписывались между строк в какой-нибудь разрешенной цензурой книжке или в обычном письме, где речь шла о самых невинных вещах: о погоде, например, о здоровье бабушки, о покупке нового платья. Стоило потом чуть подогреть такой листок над лампой, и текст появлялся, как по волшебству.

В последний вечер Владимир Ильич и Надежда Константиновна наставляли:

— Берегите себя. Чаще меняйте квартиры, паспорта... И помните, что главное сейчас для сплочения рабочих с революционерами в единую партию — это широкое распространение «Искры» в России. Наша с вами задача — сделать так, чтобы «Искру» читали на каждом заводе, на каждой фабрике, в шахтах, в железнодорожных депо, в мастерских. Надо, чтобы ее читали солдаты в армии, крестьяне в деревне.

Ульянов крепко обнял его на прощанье...

Как и было условлено с Устиньей Яковлевной, Яблочков в назначенный час пришел в сквер у Ильинских ворот и, помахивая газетой, стал прогуливаться возле памятника русским гренадерам.

Газета у него в руках была свернута в трубочку. Но не просто свернута, а так, чтобы можно было прочесть ее название. Устинья Яковлевна строго предупредила, чтобы это были обязательно «Московские новости». Только тогда подойдет человек, для встречи с которым он и приехал в Москву с чемоданом «Искры».

Был жаркий июльский день.

По земле возле памятника ходили голуби. Невдалеке на скамейке сидел мужичок в розовой рубахе с косым воротом.

Мужичок играл на гармошке.

Возле него стояли две босые девчонки в длинных юбках и грызли семечки.

Мужичок играл веселые песни. Временами он наклонял голову к самой гармошке, закрывал глаза и залихватски пел:

— Ка-анфетки, бар-а-аночки...

Словно лебеди са-аночки.

Девчонки смеялись и хлопали в ладоши.

Яблочков засмотрелся на гармониста и не заметил, как к нему подошел молодой светловолосый человек с небольшой рыжеватой бородкой.

— Жарко, не правда ли? — спросил он Яблочкова.

Яблочков на какое-то мгновение растерялся.

— А что нового пишут «Московские новости»? — человек кивнул на свернутую трубочкой газету.

«Ну, слава богу, свой», — успокоился Яблочков.

— Здравствуйте, — сказал он и представился.

— А меня зовите Николай Петрович Орлов, — приветливо улыбнулся незнакомец.

И молодые люди пошли по аллее...

Пекло солнце. Прогуливались мамаши с детьми. Где-то за кустами все еще наигрывал свой мотив гармонист. Хлопали в ладоши девчонки.

— Есть что-нибудь от Ильича? — спросил Орлов.

— Чемодан, — сказал Яблочков. — Надо получить на вокзале.

— Плохо, что на вокзале, — опечалился Орлов. — А вот что привезли — это хорошо. У нас здесь такая нужда в чае...

— В чае? — Яблочков даже остановился от неожиданности. — В каком таком чае?

Ему вдруг пришла в голову мысль, что, может быть, он встретился вовсе не с тем человеком! Очень странным ему показались и таинственный «Карлуша» в магазине, и продавец с черной повязкой. А ну как он попал не к тем людям?!

— Да нет... Не волнуйтесь, — заулыбался Николай Петрович. — Просто мы здесь у себя, да и в переписке частенько «Искру» называем «чаем»... А вы уж, поди, подумали невесть что? Признавайтесь...

— Немножко испугался... Верно, — смущаясь, признался Яблочков.

— Кстати, камерой хранения больше пользоваться не надо. Есть подозрения, что за багажом усилили слежку... На днях мы с вами это проверим. А пока придется поехать на вокзал и во что бы то ни стало получить ваш багаж, — задумчиво сказал Орлов.

Так вот он какой, этот Николай Бауман — Грач. Решительный и осторожный одновременно. Настоящий революционер. Успел уже за границей поработать. И в Петропавловской крепости чуть ли не два года просидел. В Трубецком бастионе... Да. У такого человека есть чему поучиться... Так думал, идя рядом с Орловым по аллее, Ногин.

Во второй половине дня Грач и Яблочков поехали на вокзал, где в камере хранения лежал чемодан с «Искрой».

К удивлению Ногина, они пошли не в багажное отделение, а в зал ожидания.

Остановились у расписания поездов дальнего следования.

Оказалось, что Грачу зачем-то понадобилось установить время прибытия поездов, следовавших в Москву из-за границы.

— Восемнадцать сорок семь. Из Берлина. Такой поезд устраивает? — спросил он Яблочкова.

— Я не очень понимаю, зачем нам этот поезд... — удивился Яблочков.

— Очень просто, — сказал Грач. — Когда приходит этот поезд, вся привокзальная жандармская рать выкатывается на перрон. Встречать нашего брата. Это самое удобное время заполучить ваш чемодан обратно.

— Вот как! — Яблочков кивнул. — Понимаю... Но до поезда еще целых четыре часа...

— Поэтому надо торопиться, — сказал Бауман.

— Торопиться? Зачем?

— Конечно, торопиться, — подтвердил Бауман. И вздохнул. — Дорогой вы мой человек! Москва вам не Лондон, не Берлин, не Женева. Здесь уши даже у стен. Тут смотри и смотри в оба. Иначе влетишь как миленький. А нам с вами попадаться никак нельзя. Ильич ждет от нас большой работы.

Бауман взял Ногина под руку и повел к выходу из вокзала.

— Сейчас вы перейдете вокзальную площадь и будете ждать меня у ларька, где продают тульские пряники. А мне надо кое-что выяснить с вашим чемоданом, — вполголоса сказал Грач, глядя прямо перед собой.

Ногин неторопливо обошел площадь. Остановился у ларька и стал рассматривать расписные пряники за стеклом.

Грач появился минут через двадцать.

— Как я и думал, ваш чемодан уже на учете, — сказал он Ногину. — Стоит на особой полке. Багажному мастеру строжайше запрещено возвращать такие чемоданы без разрешения дежурного сыщика. В таких случаях за хозяином чемодана либо устанавливают слежку, либо берут сразу при предъявлении багажной квитанции.

— Что же делать? — забеспокоился Ногин. — Вез, вез, и все кошке в зубы...

— Попробуем подменить чемодан, — сказал Бауман. — Есть там у меня кое-кто... Носильщик, племянник багажного мастера.

От вокзала Бауман повел Ногина какими-то заброшенными проходными дворами, через едва заметные в покосившихся старых заборах калитки, показывая сквозные парадные, кончающиеся тупиками узкие грязные переулки.

— Запоминайте все подступы и отходы. Может пригодиться. И очень скоро, — советовал он.

— Стараюсь запоминать, — отвечает Ногин.

— Теперь пора подумать и о чемодане, — сказал Бауман, когда они наконец выбрались из переулков на какую-то широкую, со множеством магазинов улицу. — Зайдемте-ка сюда.

Они вошли в большой магазин, где продавались разные товары в дорогу.

Бауман сразу повел Ногина в отдел, где на прилавке громоздились всяких цветов и размеров чемоданы.

— Показывайте, который больше всего похож на ваш.

Ногин долго присматривался. То цвет не совпадает, то размер не тот. Наконец он остановил свой выбор на вместительном темно-красном, с двумя блестящими замками чемодане.

— Вот, — сказал он. — Примерно такой.

— Я так и думал, — усмехнулся Бауман. — Типичный берлинский кофр... Все ясно, как день.

Ногин думал, что Бауман купит чемодан. Но Грач попросил продавца показать, какие есть чехлы для такого чемодана.

Купив темно-синий чехол, они отправились на квартиру Баумана.

Оставив Ногина в комнате одного, Бауман куда-то удалился. Затем дверь распахнулась, и он появился с чемоданом в руке.

Ногин опешил. Ему показалось, что это его собственный чемодан из багажной.

— Такой? — спросил Бауман.

— Копия, — сказал Ногин. — Наверное, делал один мастер.

— Это-то и плохо, — грустно сказал Грач. — Именно такие берлинские чемоданы и караулят на вокзалах. Не понимаю, как вам удалось не подцепить за собой хвост.

Ногин взял чемодан из рук Баумана и прошелся по комнате. Чемодан был тяжелый. В нем что-то лежало.

— Оставим на память вместо вашего, — сказал Грач, кивая на чемодан.

За несколько минут до прихода берлинского экспресса к вокзалу подкатил извозчик. На заднем сиденье восседал Яблочков. В ногах у него стоял одетый в синий чехол чемодан Баумана.

Подскочил носильщик. Рослый, плечистый, в белой фуражке. Ногин уже знал, что это человек Грача.

— Позвольте, сударь, — потянулся он к чемодану.

— Благодарю вас, — сказал Ногин и протянул носильщику квитанцию для получения чемодана с «Искрой».

Носильщик взял чемодан в чехле, квитанцию и направился в камеру хранения.

Яблочков же, следуя совету Баумана, вошел в вокзальное помещение, купил недорогой букет цветов и смешался с толпой.

Когда первые пассажиры с берлинского экспресса появились в вокзале, Ногин пристроился к ним и вместе вышел на привокзальную площадь.

У тротуара толпились извозчичьи пролетки. Носильщики швыряли в них чемоданы, узлы, картонки. Подсаживали дам.

Ногин увидел своего носильщика.

Тот нес чемодан в синем чехле, раздвигая толпу широкими плечами и покрикивая налево и направо:

— Па-брегись! Па-брегись!

Ногин замахал ему букетом. Вскочил в подкатившую пролетку.

Носильщик аккуратно разместил у его ног чемодан. Шепнул:

— С дядей договорился. А вас уже ждут!

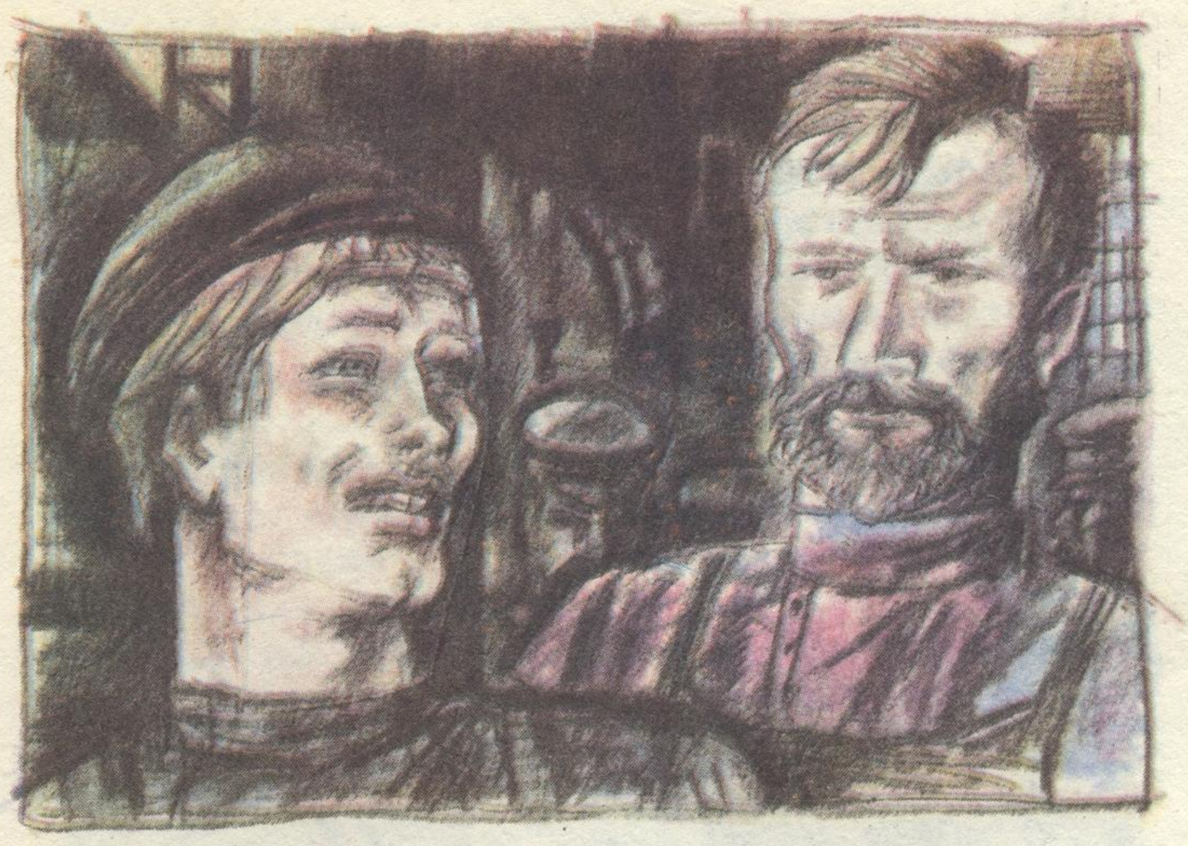
Яблочков оглянулся.

У фонарного столба стоял Бауман. Он что-то насвистывал. Руки держал в карманах.

У них было условлено: если руки в карманах — все идет нормально. Чемодан заменен. Хвоста нет.

— Трогай, — крикнул Ногин извозчику. — Трогай, братец, на банкет опаздываю...

— Но-оо, родная, — крикнул извозчик и вытянул лошадь по спине вожжами. — Но-о-о...

Над заводской кирпичной трубой взметнулось облачко пара, окрестности огласил сиплый, срывающийся на визг гудок.

В токарном цехе стало непривычно тихо. Рабочие враз выключили станки. На Сокольническом заводе «Земгор» наступил обеденный перерыв.

Вытерев ветошью руки, токари с кружками шли от своих станков в конец цеха к огромному медному кипятильнику.

Из никелированного крана, фыркая и брызгая обжигающими каплями, лился кипяток.

Наполнив кружки, рабочие группками расходились. Присаживались кто где, доставали завернутый в полотенце завтрак, закусывали.

У громадного расточного станка, расстелив на скамье газету, устроились трое. Поставили бутылки с молоком, выложили сваренные вкрутую яйца, аккуратно нарезали мягкий ноздреватый ситник, развернули пакет с аппетитно пахнущей любительской колбасой...

— А что, Кузьмич, заварки у тебя сегодня опять для рабочего класса не будет? — спросил молодой рабочий высокого пожилого токаря, чистившего яйцо. — Давно ты нас свежим чаем не потчевал, а?

Пожилой токарь усмехнулся в усы, посыпал солью очищенное яичко, откусил и стал неторопливо жевать.

— Нет, Кузьмич, я серьезно, — не унимался молодой рабочий. — Меня в кружке спрашивают, а я только руками развожу... Так как, будет чай или опять — ничего?

— Когда я ем, я глух и нем, — серьезно сказал Кузьмич и принялся за второе яйцо.

— О чем промеж себя речь ведете? — Откуда ни возьмись появился перед токарями мастер.

— Да вот о чае, — посмеиваясь, сказал молодой рабочий.

— О чае? — удивился мастер. — О каком чае?

— Который пьют-с, — объяснял молодой токарь. — Заварки вот нэма. Хозяин-то поди мог бы заварочку у кипятильничка организовать. А то рабочий человек пустой кипяток хлещет, аж рот сводит.

— Ну, пошел, поехал, — махнул рукой мастер и вздохнул. — Мне бы ваши заботы... Вон в котельной сейчас городовой запрещенные листки нашел и эту... как ее, «Искру»... А они тут чаи распивают...

Мастер повздыхал, махнул рукой и пошел к проходу между станками, приглядываясь и прислушиваясь к разговорам обедающих рабочих.

— Видал? — сказал Кузьмич молодому. — А ты все давай да давай... А теперь слушайте оба. Есть и четвертый, и пятый, и шестой. Всем хватит. Снесете в сборочный и в литейку... Задача перед искровцами поставлена такая: каждый завод должен стать нашей крепостью. Ясно?

— Куда ясней. Можно приступить?

— И еще. Напечатано предостережение рабочим Москвы, если кому встретить придется Зеленова Игнатия Никитича. Даны там и приметы его: высокий, здоровый парень, лицо красное, блондин. Любит говорить об астрономии. Знайте — это полицейский шпион.

МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — ДЕПАРТАМЕНТУ ПОЛИЦИИ:

На Сокольническом машиностроительном заводе «Земгор», фабрике Савельева, заводе Михельсона обнаружено большое количество противоправительственной газеты «Искра». Видимо, в Москву доставлен на днях большой транспорт с революционной литературой. На вокзалах усилено наблюдение. По агентурным данным, в Москве образовалась искровская группа. Состав пока не установлен.

НАЧАЛЬНИКУ МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ:

На Курский вокзал Московской железной дороги прибыл чемодан заграничного производства. Было установлено наблюдение за выдачей багажа. Однако один багаж в течение десяти дней затребован не был. При вскрытии в присутствии начальника станции в заграничном чемодане оказались два дубовых полена, старое одеяло и галоша 48-го размера.

Старший помощник пристава 4-го участка капитан Околович.

Продолжение следует.

ИЗ ИСТОРИИ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

СВОЯ ТРОПА НА ЗЕМЛЕ

Время было такое — недавно кончилась война.

В старое глинобитное здание школы приехал председатель колхоза Ататуйчи. Он сказал:

— Многие отцы ваши и старшие братья не вернулись с фронта. А поля, на которых они работали, — вот они, вокруг школы. Поля остались. Они не должны опустеть, зарасти сорняком. Все вы знаете, что такое хлопок! Сейчас солдаты снимают шинели и гимнастерки, солдатам нужно переодеться в мирные костюмы. Да и все мы... Разве мы не хотим новых рубашек и платьев?..

На следующий день в правление колхоза пришли пионеры: звеньевой Турсунали Матказимов и три девочки...

— Просим дать три гектара земли, хотим вырастить свой урожай, — сказал звеньевой Турсунали.

— В каком классе учитесь?— спросил председатель.

— В пятом...

— Хорошо, — подумав, решил председатель. — Только сразу договоримся: вырастите хороший урожай — скажем спасибо, не вырастите — будете отвечать за землю... На правлении колхоза.

Отвели им три гектара, дальний участок, весь в буграх, поросший злым осотом. Дали двух голодных быков, которые сдвигались с места, лишь увидев перед собой охапку соломы. Михриниссо шла впереди с соломой, быки тянулись за ней, а за быками, держась за ручки плуга, шел Турсунали.

Мукаррам и Рано выбирали из борозд осот, складывали у кромки поля.

Первую борозду им протянул председатель Ататуйчи.

Михриниссо расстелила у борозды маленькую скатерть с лепешками, вяленым виноградом и чаем. Садясь к скатерти, Ататуйчи взял комок вывороченной земли, поднес к лицу, вдыхая запах. Сделал он это не торжественно, не церемонно: его лицо было буднично и серо от пыли. Но он разминал землю пальцами, хотя знал, что воды поблизости, сполоснуть руки, нет.

— Должно, хороший хлопок уродится в этом году.

Может ли земля пахнуть будущим урожаем?

Борозда к борозде... все дальше, все ровнее срезы влажно блестевших пластов. Белый пар над полем, грачи за плугом ссорятся, галдят...

Вечером мать ворчала: учиться надо... Не надо пытаться с одной лестницы обобрать две яблони...

— Ничего, мать, не ворчи!— возразил отец. — И школу кончит, и к земле привыкнет. Мы постареем, уйдем с поля, кто нас заменит? Ребенок становится мужчиной тогда, когда поработает кетменем! Закладывая завтра в печь лепешки, помни, что сейчас в доме двое взрослых мужчин!..

Весна была неслыханно теплой. Хлопчатник взошел дружно, но так же дружно после пролившихся дождей на слабые ростки навалились сорняки.

Турсунали и девочки пропалывали свое поле несколько раз. На краю поля все выше росли кучи бурой травы...

Они приходили на работу с учебниками в руках, тут же в коротких перерывах занимались.

За школой лежал пустырь, они расчистили его, перекопали и сделали там копию своего поля. Все, что собирались проводить на большом поле, сначала проверяли здесь.

Весенние ночи короче овечьего хвостика. Только лег: «Эй, кто это стучит в окно? Может, луна своими длинными серебряными пальцами? Подождите немного, я сегодня устал, устал».

Зеленая заря опять смотрит в окно.

В такое раннее зеленое утро даже просто прийти и постоять у кромки поля — хорошо!

Наше поле!

Вечером отец тревожно сказал:

— Беда! Ветер задувает над ледниками Карадага! Несет на нас мороз!

Был розовый апрель.

Турсунали выскочил из дома. Над серыми вершинами Карадага вился серый дым.

Мысль, что все погибло, пропал их труд, гнала Турсунали по кишлаку. Он бежал и стучал в окошко Рано, Мукаррам, Михриниссо.

— Ты в шапке? Что случилось?

Турсунали с недоумением повертел шапку, вспоминая, что схватил ее после слов отца. «Мороз... шапка... В шапке мороз не страшен...»

— Надо делать колпаки из бумаги! — мысль показалась ему спасительной. — Для каждого кустика шапку! Давайте быстрей бумагу!..

Всю ночь в доме Михриниссо они делали колпаки из газет и старых тетрадей. Быстрей, быстрей, надо успеть больше. К утру сделали полторы тысячи колпаков. А нужно было ровно в тысячу раз больше.

Порывы ветра были слабыми, но очень холодными: это доносились первые ледяные вздохи тянь-шаньских ущелий. Потом ветер подул сильней.

Листочки на хлопчатнике стали темнеть.

Взгляд упал на кучи травы вокруг поля.

— Костры! — закричал Турсунали. — Зажигайте траву!

Большие костры протянули теплые синие руки над полем. В эту минуту каждый думал: как здорово, что они складывали выполотую траву у кромки поля!

Ветер дул сильно, и вот крутой вихрь протащил длинную борозду из песка и снега.

За промчавшимся вихрем, как за злым джинном, тянулась полоса разорения. С серого неба долго сыпался сухой грязный снег.

Над обманутой апрельской землей встало красное, смущенное солнце.

Они пошли по грядкам, засыпанным мелким песком. Большая часть посевов погибла, пропало поле, сразу постарело, облысело.

Что делать?

И вдруг — радость! Их маленький опытный участок за школой остался живым. Школа приняла на себя снежный удар, спасла ростки. На каждом кустике уже было по два-три листочка.

— Надо пересадить их на большое поле!

Мукаррам сказала:

— Не приживутся, уже большие.

— У меня дома есть две корзины, — словно не слыша ее, сказала Михриниссо.

Турсунали посмотрел на нее благодарно. Михриниссо первой шла на самую трудную работу и не отступала перед ней. Она раздобыла четыре коромысла, старые ведра и корзины. Сотни тысяч хрупких кустиков они перетаскали на себе.

И восстановили поле. И дали себе великий отдых — целый день.

Прошел май. Отгремели короткие гулкие грозы.

Наступило огнедышащее лето.

Воды поить хлопчатник не хватало. В Средней Азии не зря говорят: «Много воды, много земли». Турсунали учился поливу у лучшего колхозного мираба Сатвалды. Вырезать квадраты чима, закладывать их в арычки так, чтобы текло ровно столько воды, сколько нужно, чтобы вода не торопилась, но и не ленилась. Он поливал свое поле ночью и по одному журчанию научился определять — много или мало идет воды. Правильно говорил мираб: «Азбука земледелия начинается со слова «вода». По книгам эту науку не выучишь!»

...Сколько весит коробочка хлопка? Три грамма. Простая арифметика: сколько надо собрать коробочек, чтобы стало, допустим, тридцать тонн хлопка?

Да всего-навсего десять миллионов коробочек.

Это сейчас хлопкоуборочный комбайн может собрать весь урожай с трех гектаров за несколько часов. А тогда время было послевоенное... Были только руки!

Как ни говори, девочки в сборе ловчее. Пока правая рука выбирает из коробочки белый хлопок, левая — к фартуку на груди, в который складывается пушистый урожай. Потом из фартуков пересыпают в мешки. Турсунали носил их к весам.

— Эй, кто там под мешком? — встретился ему председатель. — Турсунали? На себе таскаете?

Тот кивнул.

— Сколько сегодня сдали?

— Двести килограммов.

Ататуйчи закинул мешок на своего коня.

— Видишь эти красные П на мешках? — сказал он бригадиру. — Так вот, каждый вечер садись в арбу и скачи к этим мешкам, как на пожар. Днем они будут собирать, а ты будешь отвозить и взвешивать! Ясно? Хлопок-то — пионерский!

На следующий день в бричке председателя привезли двадцать больших арбузов.

— По приказу раиса! Вам велено срочно съесть!

Каждый вечер они сдавали по полтонны хлопка. Полтонны пушистых невесомых комочков!

Пришел день, когда на поле не осталось ни одной белой нити.

И получился невиданный в этих краях урожай — во много раз больше, чем на взрослых полях.

Турсунали и вдруг оробевших девочек вызвали в правление.

За длинным столом сидели бригадиры. Девочки, смущаясь, прятались друг за друга.

— Ну, ребята, расскажите отцам, как надо выращивать хлопок! — весело сказал Ататуйчи. — Идите ближе!

— На трех гектарах можно и не такой урожай получить! — хмуро обронил один из бригадиров. — Если каждый кустик облизывать.

Турсунали молчал.

Нет, он многое мог бы сказать этому хмурому бригадиру: что пришли они сюда не хвастать, что работали они не из-за наград, а просто работали, и все.

Но сказал только:

— Наше пионерское звено просит дать шесть гектаров земли!

...Весной вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР: девочек пионерок наградить орденами Трудового Красного Знамени, а их звеньевого, шестиклассника Турсунали Матказимова — орденом Ленина и Золотой Звездой Героя.

В дом стали приезжать корреспонденты. А он не чувствовал себя героем. «Учился, сеяли хлопок, убирали...»

Приходили сотни писем. Просили фотографию, веточку с хлопком, просили рассказать о жизни и работе подробнее...

А поле сейчас было большим, постоянно требовало хозяйского глаза.

...Осенью они снова собрали большой урожай.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Турсунали вручили еще одну высшую награду Родины — орден Ленина.

И вот прошло пятнадцать лет. Турсунали закончил сельскохозяйственный институт, вернулся в родной колхоз агрономом и получил поле в тысячу гектаров.

— Чего ты ордена прячешь? — однажды сказала мать сыну. — Носи их на виду, почет от них!..

— Грустно мне, мама, — сказал он.

— Это почему?

— Понимаешь, тот наш пустырь за школой... зарос!

— Какое тебе дело до этого пустыря?

— Это же наш!..

— Эх, чудак ты, чудак!

Турсунали наточил свой старый кетмень, пришел к пустырю. Старую школу снесли, на ее месте построили новую. Но земля-то была та же. Отсюда когда-то они проложили всем пионерским звеном свою тропу по земле. Сейчас их участок за школой был весь в верблюжьей колючке. Одинокая коза бродила по нему.

Школьники на переменах любопытствовали:

— А что здесь посадят?..

— А что вы сами-то хотите? Кукурузу, высотой в тополь? Цветной — голубой или розовый — хлопок? Давайте выращивать вместе.

На второй день он застал там двух мальчишек — Иномали и Абдували, детей Михриниссо. Они бороновали вскопанный участок. Турсунали постоял, глядя на них, и тихонько пошел назад.

Он уходил от маленького пустыря и, когда дошел до крайнего дома, перед ним опять распахнулись поля.

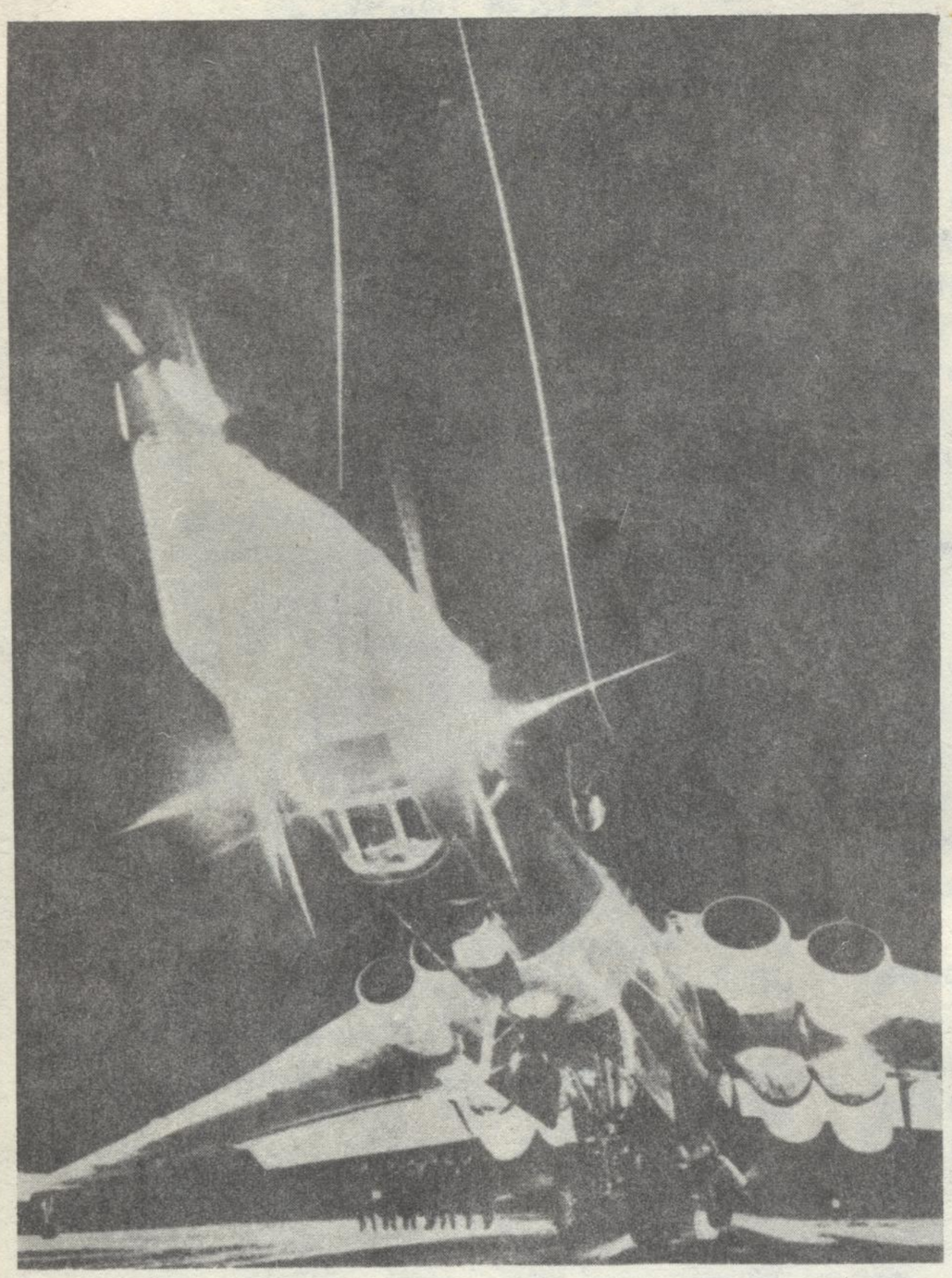
И простая, чистая мысль, которая снова привела его к школьному участку, четко оформилась в нем: прекрасно жить на такой земле, где одно поколение мальчишек и девчонок сменяет другое в упорных поисках добра.

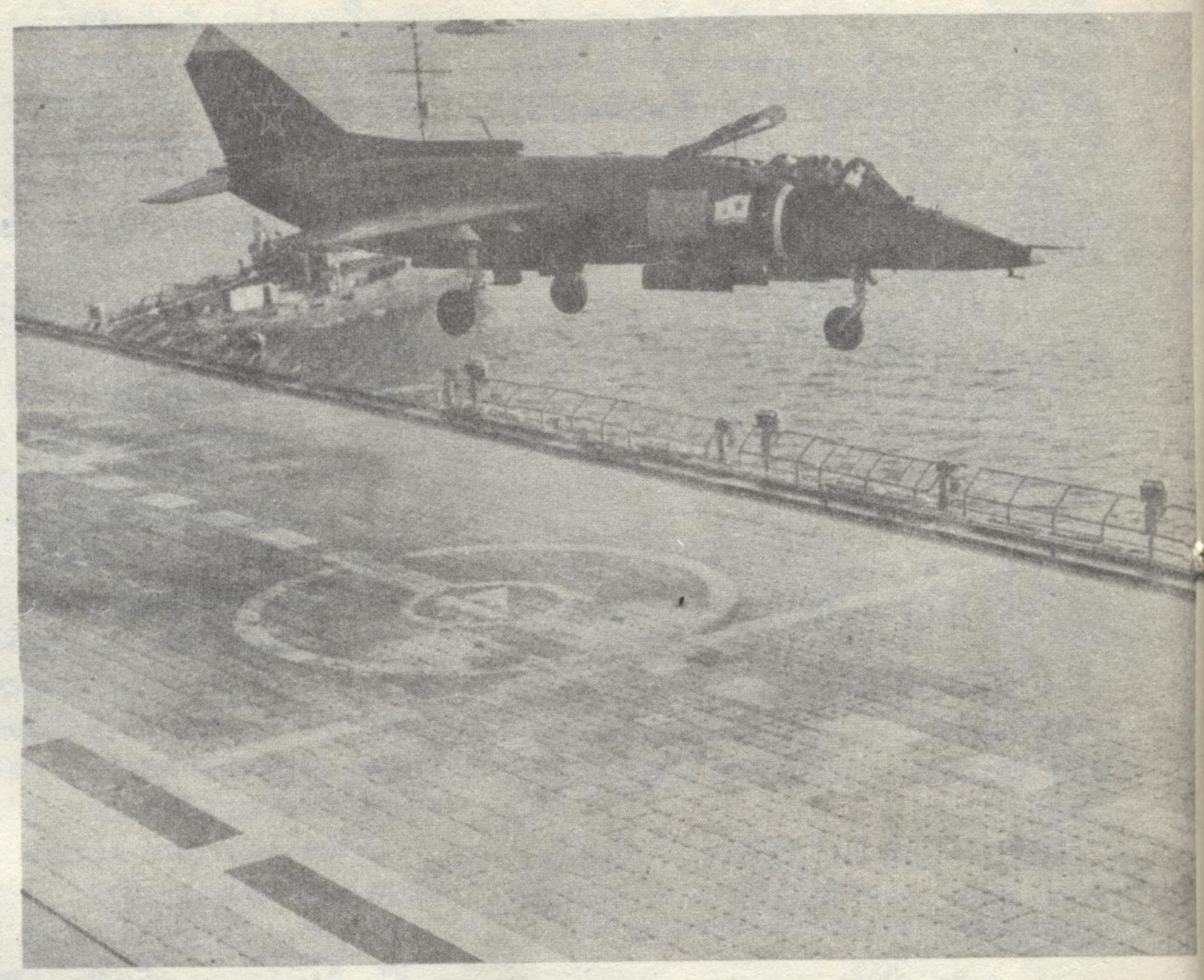
Федор КАМАЛОВ
Рисунки А. Митина

НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ

23 февраля — День Советской Армии и Военно-Морского флота

О службе летчиков и мотострелков, ракетчиков и танкистов, моряков и артиллеристов, о грозной могучей технике, которую доверил им народ для защиты нашей Родины, рассказывает этот фоторепортаж.

Вот сейчас прозвучит команда... И дрогнет бетонное покрытие аэродрома, и крылатое тело ракетоносца рванется в ночную мглу

Краснознаменный Северный флот. Снимок сделан на противолодочном крейсере „Киев“

Плавающие танки энского гвардейского соединения легко преодолевают широкую водную преграду

Ракетчики — всегда начеку!

—Отделение, слушай мою команду!

По сигналу боевой тревоги

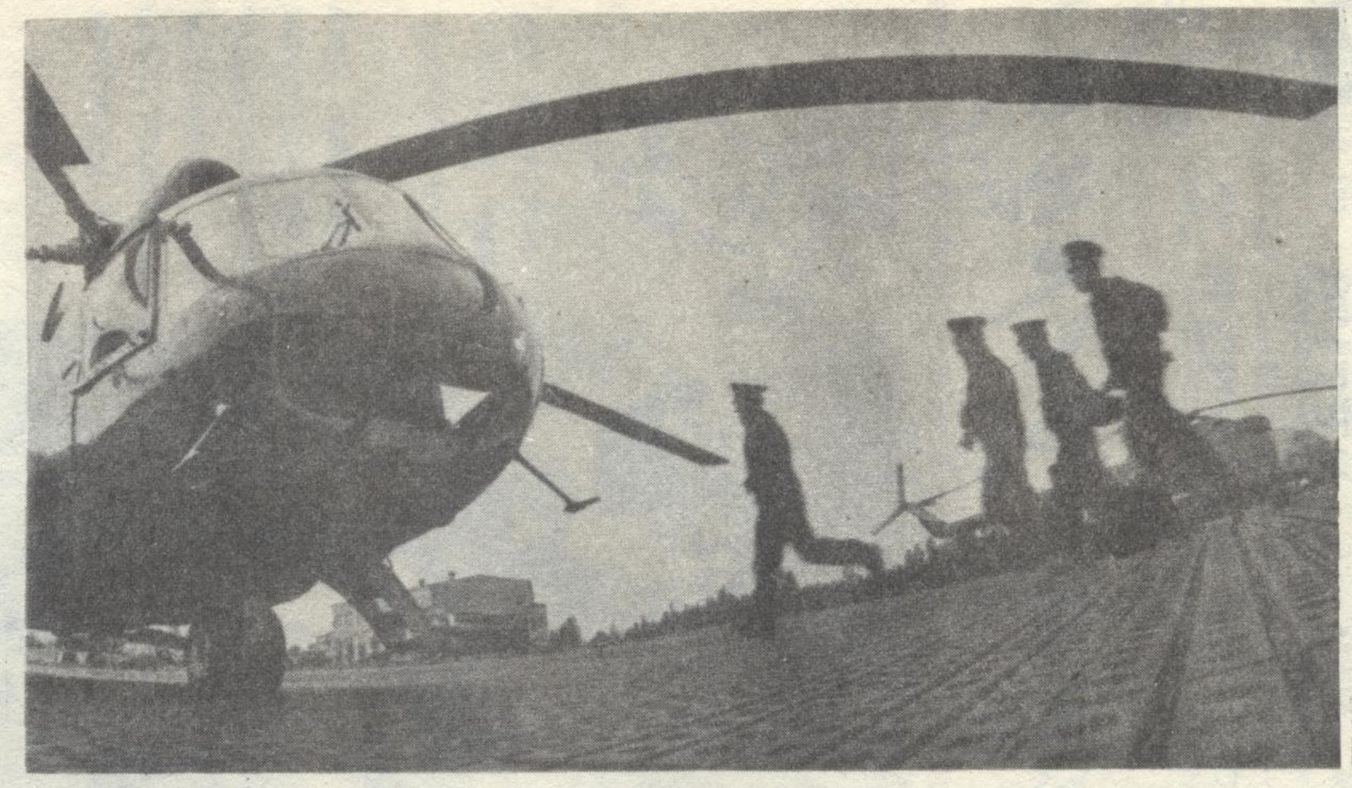
Командир доволен—у его подчиненных снова отличные оценки

Выдвижение на огневой рубеж

Репортаж вели наши специальные фотокорреспонденты П. Маркин, Л. Новиков и корреспондент ТАСС С. Майстерман

БАРАБАН 2

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ ПЕЧАТАЕТ ТВОИ ЗАМЕТКИ, СТИХИ, РИСУНКИ

Пионеры всей страны делу Ленина верны!

Моя Родина — СССР!

В каждом отряде есть следопыты, тимуровцы, участники всесоюзной экспедиции «Моя Родина — СССР».

По-разному в республиках и городах нашей страны называют ребята свой следопытский поиск — «Сыновний долг», «Герои живут рядом», «Отцовская буденовка». Но общее у юных ленинцев всегда есть — бережное отношение к памяти героев, погибших за свободу Родины, сердечная забота о ветеранах революции, партии, комсомола.

О дружбе с ветеранами Великой Отечественной войны написала в редакцию юнкор Оля Степанова, восьмиклассница, председатель совета дружины школы № 1 города Бокситогорска Ленинградской области:

— Есть в нашей школе традиция: пионерский отряд борется за право носить имя героя, который погиб, защищая Родину, и учился до войны именно в нашей школе № 1.

Четыре года назад мы — тогда четвертый «а» — заинтересовались судьбой Бориса Богомолова, первого комсомольского секретаря нашей школы. Мы собра-

ЮНЫЙ БАРАБАНЩИК

Лена Кузьмина, Москва

Вести с марша

Ленинградские пионеры пишут книгу «Заветам Ленина верны». В книге такие главы: «Учиться, учиться и учиться», «Это сделали наши руки», «Мы — наследники Октября», «У нас друзья на всей планете», «Мечтать, надо мечтать».

Эта книга станет рассказом обо всем, что сделано на маршрутах Всесоюзного пионерского марша к 110-летию со дня рождения В. И. Ленина.

с пионерами минской школы № 54 уже давно. Минчане присылали нам записанные ими рассказы друзей и близких Марата, фотографии, письма. Они-то и сообщили нам, что в Минске живет сестра Марата. Мы встретились с ней и очень много узнали о юном герое, отдавшем свою жизнь за свободу нашей Родины, за нас, живущих на мирной земле.

Мы гордимся дружбой с этой замечатель-

ли много документов не только о нем, но и о его однополчанах, о его школьных друзьях и учителях, которые тоже в 1941 году ушли на фронт. Мы узнали, каким человеком был Борис, как учился, как понимал дружбу...

Сейчас наш отряд носит имя славного защитника Родины Бориса Богомолова.

«Большим сбором» называем мы свои встречи с ветеранами. Замечательные это люди!

Мы разыскали больше пятидесяти человек, вернувшихся домой с победой. Рассказы, записанные нами, фронтовые фотоснимки, треугольники писем стали экспонатами нашего школьного музея боевой славы.

Эстафету поиска мы передаем младшим. Пусть для всех поколений выпускников нашей школы будет примером мужество наших земляков, защитников ленинградской земли.

СТРОЯТ ДОРОГУ
Рисунок Игоря Акимова, город Орел

У нас есть исторический кружок

Мы изучаем жизнь В. И. Ленина, ленинские места в Ленинграде. Мы были на экскурсии «Ленин на Карельском перешейке». Побывали и на Дороге жизни, у памятника Тане Савичевой, прочли страницы ее блокадного дневника.

Инна Бабаева,
6-й класс, школа № 119

Солидарны с Вьетнамом

Всем классом мы собрали и послали в Ханой посылку с медикаментами. Пусть это будет нашей маленькой помощью, — так решили мы.

А моя маленькая сестричка положила в эту посылку цветы: ведь они — символ победы.

Олег Гордиенко,
7-й класс, школа № 275

Незабываемая встреча

Наконец-то мы побывали в Минске! Наконец-то встретились с сестрой пионера-героя Марата Казея. Начали мы переписываться ной женщиной. Она очень любит ребят и всегда помогает вести поиск героев Великой Отечественной войны.

Света Кресанова,
город Гатчина

О хорошей подруге

Мы с Ирой учимся в одном классе. Ира очень много читает, умеет рассказывать о прочитанном. И учится моя подруга хорошо, и, что, по-моему, тоже очень важно, никогда не отказывается помочь отстающим.

Все в классе уважают Иру за честность и справедливость.

Я бы хотела быть похожей на свою подругу.

Таня Давыдова,
5-й класс, школа № 337

Хочу стать врачом

На земле сотни разных профессий. Каждый человек в нашей стране может выбрать себе дело, которое ему больше всего нравится.

Мне хотелось бы стать врачом, помогать людям, приносить им радость. Когда человек заболеет, кто же, кроме врача, придет ему на помощь?

Я хотела бы работать в детской больнице.

Оксана Шевчук,
4-а класс, школа № 337

О наших взрослых

НАШ ВОЕНРУК

Не в каждой школе есть свой тир. И у нас не было. А потом решили построить. Засучили рукава и дружно, всей школой, взялись за работу.

Самые большие трудности были с раствором бетона. Беспрерывно месили его лопатами, чтобы не успевал застыть. Постепенно возникло умение обращаться и с раствором, и с кирпичами. Заправские каменщики получились из наших ребят!

Один секрет мы поняли, пока строили тир: нельзя зажечь других, если сам не горишь. Зажечь личным примером умеет наш военрук Бенедикт Ильич Кордапольцев. Он говорит нам: «Делай, как я!»

Наш тир — загляденье. Полы ровные, стены чисто побелены, кирпичная кладка аккуратная.

В тире две огневые позиции. Здесь работает стрелковый кружок — готовимся к соревнованиям «Зарницы».

Миша Григорьев,
Андрей Максимов
школа № 16, Ленинград

Оленеводы сами о себе

В ГОСТЯХ У «БАРАБАНА»
ЮНКОРЫ
ИЗ ТАСКАНСКОЙ ШКОЛЫ-
ИНТЕРНАТА
ЯГОДНИНСКОГО РАЙОНА
МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ГОРЖУСЬ СТАРШИМ БРАТОМ

В тундре трудно жить в одиночестве, без друзей. Нужно много умения, чтобы спасти оленей от назойливых оводов, зимой прокормить, не растерять их в стужу...

Не успел старый Тэтэн выучить сына своему ремеслу — настала пора мальчику отправляться в школу. Закончил сын оленевода школу, вернулся в родной поселок.

Если бы вы видели, как танцевал Сагли! Вальс, чукчаночку, фокстрот, польку. Даже узбекский танец.

Дошло это до старого пастуха. Ох, не хотел он такого услышать!.. На второй день пребывания Сагли в поселке, когда тягач уходил в тундру, приказал старик сыну собираться. Решил увезти его на дальние пастбища, чтобы не позорил род!

Сагли не смел перечить отцу. Пошла новая жизнь, затаил Сагли свою обиду на строгость отца.

Однажды увидел Сагли, как навострили уши собаки. Потом и сам услышал шум вертолета. «К отцу?» — подумал Сагли. И не ошибся.

Тэтэн обрадовался гостям. И награде за труд, которую ему предстояло получить в области. Засуетился, собираясь в путь...

— И сына возьмите, — сказал приезжий старому пастуху. Тот проворчал: «Он еще мало тундры исходил...»

— Папаша, так у вас две награды. Вам — за труд, сыну — за сценическое искусство. Признан лауреатом областного конкурса бальных танцев.

Вертолет поднялся. Покружил над тайгой и взял курс к областному центру.

Признаться, горжусь старшим братом.

Лариса Тину

ЛЮБИМ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ!

В нашей школе живут и учатся те, у кого родители — оленеводы, горняки, рыбаки, земледельцы, лесорубы.

Суров наш северный край, но и красив. Сопки в снежной шапке. Реки и озера — огромные. У подножия сопок — красивые луга и леса...

Особенно много мы путешествуем по родному краю во время каникул. Как правило, едем на велосипедах. Кстати сказать, у нас все знают правила дорожной безопасности: сдавали экзамены.

Мы дружим с совхозом «Красный богатырь» и всегда помогаем совхозным рабочим воевать с сорняками, осенью убираем овощи.

Ваня Татяев

НАШ ОГОРОД

Все наши ребята любят трудиться. На пришкольном участке все выращиваем сами. У нас там растут петрушка, салат, брюква, укроп, редька... С картофелем очень много хлопот, вырастить его в наших краях нелегко. Надо оберегать его от мороза, постоянно подкармливать.

Всю зиму и весну у нас на обед зеленые салаты. О витаминах вовремя позаботились!

Надя Коренцова, Оля Орлова

«ПИОНЕР — ДРУГ ПИОНЕРАМ И ДЕТЯМ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕХ СТРАН» — ОДИН ИЗ ЗАКОНОВ ПИОНЕРОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

„Русский чай". В гостях у ребят—венгерские комсомольцы. Печенье просто тает во рту. Рецепт печенья знают девочки из кружка „Юный кулинар".

Запомните адрес: Череповец, Городской клуб интернациональной дружбы «Смена».

«Барабан» поздравляет всех членов этого КИДа, оба его штаба — пионерский и комсомольский. КИДу исполнилось двадцать лет.

В микрорайоне клуба ведется большая работа: выступает с концертами агитбригада, часто проводятся конкурсы рисунков на асфальте

НАШ ДЕТСКИЙ САД

— Ты слышишь свое сердце?
— Слышу. Ведь оно у меня в ухе!

Прислала
Марина П.,
город Орша

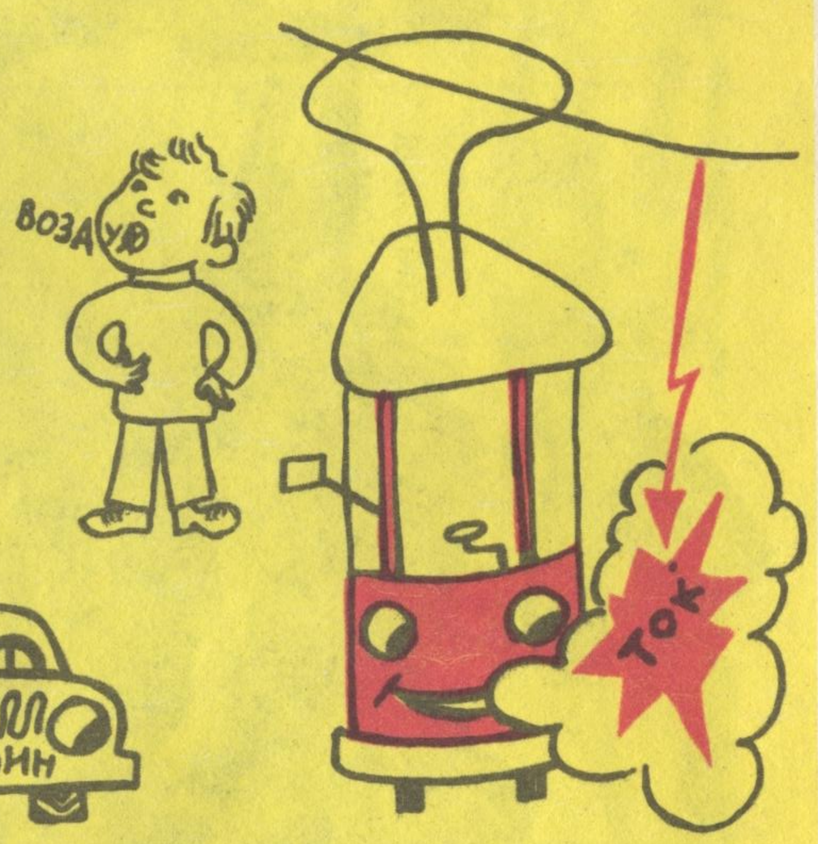

— Человек дышит воздухом, рыбы — водой, а машины — бензином.
— А трамвай?
— Трамвай дышит... током.

Сообщил
Дима Игумнов,
Ленинград

Весёлая почта

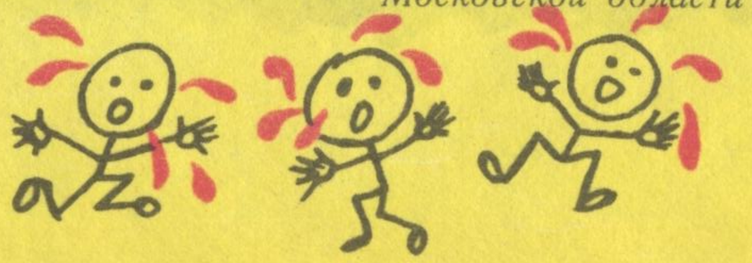

Барабашки

Учительница:
— Почему молекулы при нагревании движутся быстрее?
Ученик:
— Очень просто. Им становится жарко...

Прислала
Ира Чуванкина
из города Люберцы Московской области

ВОВКА—НАЧАЛЬНИК АЭРОДРОМА

Евгений АНАНЬЕВ **Рисунок Д. Титова**

Эта история началась давно. А конца не имеет до сих пор. Почему? Не торопитесь, узнаете чуть позже.

Вы, может быть, слышали о том, как геологи в Сибири, в Березове, нашли газ. Конечно, открытие очень обрадовало их. Но одновременно и озаботило: в каком направлении продолжать поиски, где сосредоточить главные силы? Во все стороны от Березова разошлись по большому Ханты-Мансийскому округу разведочные партии. Некоторые из них двигались по тайге на машинах-вездеходах, другие плавали на катерах по Оби и ее многоводным притокам, а одна даже плыла на веслах по самым мелким ручейкам Приполярного Урала — ее так и называли «ручейковой».

Правда, геолог, о котором мы сегодня хотим вам рассказать, летал на самолетах. А еще точнее — встречал самолеты. И было ему от роду шесть лет.

Вы, конечно, не поверите — разве могут быть такие геологи?.. Тогда слушайте.

...Разведчики подземных богатств — люди кочевые. А если геологи — папа и мама, то перед каждым полевым сезоном возникает один и тот же вопрос: куда девать детей? Их подкидывают бабушкам, дедушкам, тетушкам. А у заместителя начальника геофизической партии Андрея Сергеевича Новикова и его жены Татьяны Михайловны не было ни бабушки, ни дедушки, ни тетушки. И они взяли с собой шестилетнего сынишку Вовку.

Представьте себе глухую буреломную тайгу, корабельные сосны на берегу широкой, но безлюдной и безымянной реки. За сто километров ни жилья, ни голоса. И несколько палаток, где живут «гравики» — так называют геофизиков, которые используют в своих приборах гравитацию — силу земного притяжения. Они весь день летают над тайгой, а вечером возвращаются на базу.

Тридцать взрослых людей, тоскующих по своим детям, оставленным на Большой земле, и шестилетний мальчуган. Разумеется, Вовку любили, с Вовкой дружили, Вовку баловали. И даже придумали игру, в которой участвовала вся партия.

Отец назначил Вовку начальником аэродрома. Конечно, никаких аэродромов в нетронутой тайге не было. Самолеты АН-2 вместо колес имели поплавки и садились прямо на воду. Но Вовка очень серьезно относился к новым своим обязанностям. Едва заслышав пчелиное гудение дальнего мотора, он бросал все дела и мчался на берег реки.

Сделав круг над лагерем, самолет приводнялся. Вовка внимательно наблюдал, как он быстро приближается к берегу и перед обеими поплавками вздымаются белые пенные струи, похожие на огромные седые усы. А пилот дядя Сережа уже выглядывал из окошка:

— Привет начальнику аэродрома!

Впрочем, Вовка фамильярности не допускал. Он дожидался, пока дядя Сережа выйдет из машины и доложит по всем правилам:

— Товарищ начальник аэродрома! Привезли два ящика сгущенки, три мешка хлеба, сапоги и плащ-палатки. Какие будут распоряжения?

— Разгружайте, — важно говорил Вовка. — Какой дальнейший маршрут?

— Полеты на северо-запад. Решение производственной задачи.

Это, конечно, выглядело весело: крупный кряжистый летчик и вихрастый карапуз со смешными конопушками на курносом лице, с мальчишескими ссадинками на локтях и коленках. Но «начальник аэродрома» не менял своего солид-

ного вида. Он возился возле грузов, которые надлежало в конце дня отправить на базу экспедиции, караулил самолет, пока летчики уходили в палатку обедать. Иногда его брали в маршрут. Он гордо восседал на металлической жердочке между креслами пилотов — земля сверху казалась ему похожей на страницы любимых детских книжек-игрушек.

И даже получал Вовка заработную плату.

Правда, она была там не очень нужна. За покупками разве что в соседнюю берлогу можно отправиться, да и то неизвестно, как медведица встретит. Но закон есть закон. Раз в месяц прилетала из экспедиции кассирша. Отец оставлял у нее несколько рублей собственной получки, и она чертила специальную ведомость для Вовки.

Он появлялся в палатке кассирши в тот момент, когда там собирались все свободные от маршрутов люди. Важный, причесанный, с дочиста отмытыми руками, степенно занимал очередь за зарплатой. Разборчиво расписывался в ведомости — он уже был грамотным. И счастливо зажимал в ручонках деньги — не простые, а заработанные. Начальник, сам далеко еще не старый человек, заводил деловой разговор:

— Вовка, что же ты купишь?

— Школьную форму, пластилин и велосипед, — выкладывал он. — А на остальные — мороженого. Сто порций.

Так и прожил наш юный герой все лето и осень в Ханты-Мансийской тайге, километрах в ста от фактории. А по соседним партиям, поселкам, зимовьям шла веселая байка о мальчонке, принимающем самолеты.

На следующий год надо было идти в школу. Пришлось Вовке уехать в Сумскую область, домой.

Так оборвалась связь семьи Новиковых с нефтяной Сибирью.

Но Сибирь постоянно напоминала о себе: то строчкой в газете, то голосом радио, то забавным воспоминанием, возникавшим внезапно за семейным разговором или в кругу ровесников. И когда Вовка уже закончил школу, ради которой уехали в свое время Новиковы из тайги, отслужил действительную в армии и планировал дальнейшую жизнь, он вдруг почувствовал, что его тянет в страну своего детства, где он был «начальником аэродрома».

Он полетел в Тюмень. И тут такая удача! Только было собрался разыскивать бывшего начальника партии, а тот сам на улице встретился.

Вовка подал отцовское письмо.

Начальник партии спросил:

— Ты-то сам куда хотел бы?

— В старые места, — сказал Владимир.

На следующий день новый помощник бурильщика вылетел к месту работы.

Спустя два месяца пришло письмо.

«Полдня пробродили по берегу, — писал Володя. — Отыскал даже самодельный стол, на котором в ведомости расписывался, он покосился, травой порос, но существует по сию пору. Себя вспомнил, родителей. И столько сил прибавилось, будто живой воды попил. Пригласил родителей в гости. Пусть посмотрят, как изменилась тайга, которую они начинали обживать. Уверен — обрадуются!»

Не очень долго проработал Володя в старых своих местах Вскоре его предприятие завершило там бурение газовых скважин и в полном составе перешло на новый нефтяной гигант — Самотлор.

Он вернулся в нефтяную Сибирь, Вовка — начальник аэродрома. И она вошла в его судьбу уже не как игра, а как дело всей жизни, сегодняшней и будущей.

Почему же мы в начале сказали, что эта история не имеет конца?

Потому что родился в городе сибирских нефтяников еще один Вовка — Владимир Владимирович. Отец с нетерпением ждет, когда подрастет его парень. И будет у сибиряка Вовки свой аэродром или своя буровая.

ПОЛЕТ

На катке при свете лунном,
Шалой вьюге вопреки,
Зазвенели, словно струны,
Серебристые коньки.

По дорожке синеватой,
Где лучатся фонари,
Мчатся быстрые ребята
Стайкой, словно снегири.

Обжигает ветер лица,
Припускает снегопад,
А девчонки, как синицы,
За мальчишками летят.

Словно крылья, на косичках
Банты яркие — вразлет.
На катке почти по-птичьи
Ветер весело поет.

Николай АЛТУХОВ

Рисунок И. Гурина

СЕРДЦЕМ И ИМЕНЕМ

ПОИСК ЮНКОРОВ И СЛЕДОПЫТОВ „КОСТРА“, ПОСВЯЩЕННЫЙ 110-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

«Было это 4 февраля 1919 года. На пост у квартиры Ленина я заступил в 21.00 и стоять надо было ровно два часа. Стою и, как всегда на этом посту, думаю: увижу сегодня Владимира Ильича или нет? От часового, которого я сменил, знал: Владимир Ильич домой еще не возвращался, работает у себя в кабинете. Но знал и другое, что работает он порой до самого рассвета. И вдруг вижу, идет Лидия Александровна Фотиева — секретарь Совета Народных Комиссаров. Я, как и положено, спрашиваю: «Ваш пропуск?» Отвечает, что пропуска нет, но что ей очень нужно пройти в квартиру Ленина. Я говорю: «Без пропуска пропустить не могу!» И — не пропустил. Ушла. А через несколько минут возвращается и протягивает бумагу. Смотрю, а это — не просто пропуск... В левом верхнем углу напечатано: «Председатель Совета Народных Комиссаров». А ниже красными чернилами написано от руки: «Часовому. Пропустите в мою квартиру подательницу, товарища Фотиеву, секретаря С Н К. Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)» Взял я этот совнаркомовский бланк и говорю: «Теперь, пожалуйста, проходите».

А дальше было вот что. Пришел день, и кончил я курсы красных командиров. Назначение получил на Южный фронт. А что такое Южный фронт в 1919 году? Вспомнили? Правильно, — это борьба с Деникиным. А перед самой отправкой на фронт получил краткосрочный отпуск. Приезжаю домой, к матери, и говорю: «Смотри, записка, написанная самим Лениным! Это он для меня лично ее написал. И пока я буду на войне, храни ее, как зеницу ока!». Не поверила, говорит: «Нет здесь твоей фамилии», но хранить обещала. А потом, когда я с фронта вернулся и спросил ее, где записка, а она забыла, и когда я раненый, на костылях, стал ее искать по всему дому, тут уж поверила. И вместе со мной радовалась, когда мы ее нашли. И вот — считайте... С 1919-го по 1963-й, целых сорок четыре года и я, и мои родные хранили эту ленинскую записку. А в 1963 году приходит ко мне домой научный сотрудник Института марксизма-ленинизма и спрашивает: «Вы тот самый Чернышев, который учился в Кремле, на курсах красных командиров?» — «Да, — говорю, — это я. В чем дело?» — «Правда ли, что у вас есть документ, написанный Владимиром Ильичем Лениным?» — «Правда, — говорю, — вот он перед вами!». А записка эта в моей комнате на стене в рамке висела, на том же месте, где сейчас эта фотокопия. Смотрит он на нее и говорит: «Какое счастье, что я нашел вас, а вы сохранили эту реликвию». И с тех пор она находится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма...».

Рассказ бывшего кремлевского курсанта Григория Наумовича ЧЕРНЫШЕВА записали следопыты Ленинградского дворца пионеров

Алена Парайская и Ира Доброва

У нас в школьном музее есть фотография девушки в буденовке. Снимок этот совсем старенький — он сделан во время гражданской войны. А девушка в буденовке очень юная. Такой была в те далекие годы Елизавета Яковлевна Барская. Рядом с фотографией, на музейном стенде, рукопись воспоминаний Елизаветы Яковлевны, которую она подарила нашим следопытам.

Елизавета Яковлевна — член партии коммунистов с 1917 года. Была бойцом Красной гвардии в Баку. А с 1919 года — курсантом 1-х московских пулеметных курсов. И самое интересное в ее воспоминаниях — рассказы о встречах с Лениным.

«...Будучи курсантом, чтобы не бросалось в глаза, что я девушка, в разговоре о себе я употребляла слова вместо «пошла» — «пошел», вместо «выполнила» — «выполнил».

Курсанты относились ко мне хорошо и добродушно называли «Иваном Ивановичем». Помню, это было на посту у квартиры Ленина. В поздние часы я ожидала смену. В это время Владимир Ильич возвращался из Совнаркома к себе на квартиру. Подойдя ко мне, приветливо поздоровался. Я же, увидев его, растерялась. Вероятно, Владимир Ильич это заметил. Он коротко рассказал мне о событиях на фронте и спросил:

— С какого фронта вы прибыли?

Я, неожиданно для себя, вместо «прибыл» ответила:

— Я прибыла с Южного фронта.

Сказала я это очень быстро, но Владимир Ильич посмотрел на меня внимательно:

— Так вы — женщина?

Мне ничего не оставалось делать, как ответить утвердительно. Владимир Ильич улыбнулся и снова спросил:

— Вы не устали?

Я, сколь возможно браво, выпалила:

— Красноармеец на посту не должен уставать!

Владимир Ильич весело рассмеялся и, открыв дверь, прошел к себе.

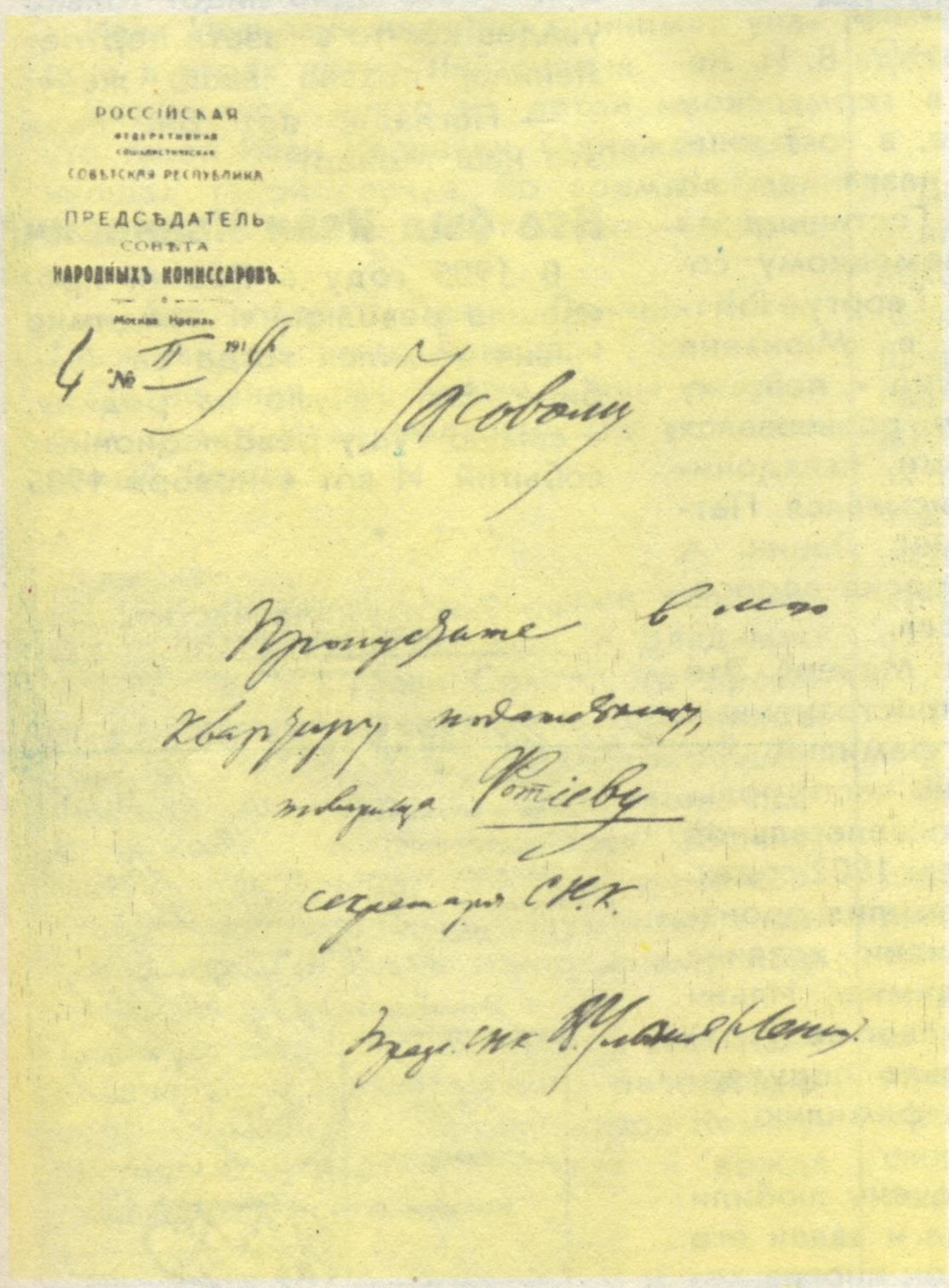
Эту встречу с Владимиром Ильичем я сохранила в памяти на всю жизнь».

Воспоминания ветеранов революции и гражданской войны о встречах с Лениным мы сохраняем очень бережно. Если будете в Нарве, обязательно приходите к нам в музей.

Валя Башкирова
ученица 6-го класса,
экскурсовод музея
школы № 9
города Нарвы
Эстонской ССР

СЛОВО—ИСТОРИКУ

Это был обычный февральский день, похожий, наверное, на сегодняшний. Так же бил в лицо колючий снег, так же вилась по улицам поземка. Только было это очень давно. Шестьдесят один год назад. 4 февраля 1919 года, когда курсант Григорий Чернышев заступил на пост у квартиры Ленина. В тот вечер Владимир Ильич поручил своему секретарю Л. А. Фотиевой пойти к нему на квартиру за нужными бумагами. «Я подошла к часовому, — вспоминала Лидия Александровна, — но он меня не пропустил, так как у меня не было специального пропуска... Я возвратилась и сообщила об этом Ленину. Он, без тени недовольства, написал на бланке Председателя Совнаркома красными чернилами записку на имя часового». Вот об этой самой записке и рассказал следопытам «Костра» бывший кремлевский курсант Григорий Наумович Чернышев.

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.
Москва. Кремль.
4 № II 1919
Пропустите в кв.
Ильича
Фотиевой
секретаря СНК.
Упр. дел В. Ульянов (Ленин)

Но какие же бумаги могли так срочно понадобиться Владимиру Ильичу в тот февральский вечер? Протоколы заседаний Центрального Комитета партии и Совета народных комиссаров, которые состоялись днем? Сводки с фронтов гражданской войны, где шли нелегкие бои с белогвардейцами? Или, может быть, телеграмма об отправке эшелонов с хлебом в Москву?

Как видите, точно ответить на вопрос невозможно — рабочий день у Владимира Ильича был очень напряженным. Но известно, что среди множества неотложных дел было одно из самых спешных: 4 февраля 1919 года на заседании Совнаркома он подписал Декрет об учреждении Совета Защиты Детей.

Защита... Именно это слово было написано ленинской рукой в проект Декрета. Защищать юных граждан молодой Республики Советов от голода и холода, от разрухи и болезней, от белогвардейских штыков и нагаек, — вот что обязан был сделать и сделал Совет Защиты Детей!

Но, может, в тот вечер Владимир Ильич затребовал к себе материалы о проекте «Великого северного железнодорожного пути», который рассматривался Советом Народных Комиссаров? Как же так, спросите вы, неужели тогда, в самый разгар войны и разрухи, Ленин думал о планах строек, об освоении Севера? Да, именно об этом. Именно тогда. В том-то и заключалась великая сила Ленина. И именно поэтому сегодня наш советский Север стал краем небывалых свершений. Вспомните нефтяные вышки Тюмени, металл Норильска, якутский уголь и растущую на глазах трассу БАМа!

Заполночь заканчивался рабочий день в ленинском кабинете. Времени для отдыха оставалось совсем мало. Но через несколько часов снова: «Быстрые, четкие шаги гулко отдаются по еще пустому коридору. Это он рано утром спешит из своей квартиры в кабинет Совнаркома. Часовой, всегда дежуривший здесь,.. завидев приближающегося Владимира Ильича, подтягивается, чтобы с гордой радостью отдать честь тому, который сам столько лет бессменно стоит на страже революции».

Читая воспоминания Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, эту картину мы видим своими глазами.

С. КОЛЕСНИКОВ,
научный сотрудник
Центрального музея
В. И. Ленина

ПЯТЬ ПСЕВДОНИМОВ

Слово «псевдоним» в переводе с греческого языка означает ложное, вымышленное имя. Псевдонимы были когда-то широко распространены среди писателей и артистов; пользовались ими и революционеры. Понятно, что и Владимир Ильич, ведя постоянную борьбу с царским правительством, скрываясь от полиции, вынужден был скрывать свое настоящее имя и должен был прибегать к ложным фамилиям, то есть к псевдонимам.

Подсчитано, что у Владимира Ильича было более ста пятидесяти разных псевдонимов.

Ильин—это сын Ильи

Не успел еще Владимир Ильич приехать в 1900 году в Москву, как сразу же начальник московской охранки поспешил донести своему начальству в Петербург: «...В здешнюю столицу приехал известный в литературе (под псевдонимом «Ильин») представитель марксизма Ульянов, только что отбывший срок ссылки в Сибири...»

Откуда же взялся этот псевдоним? Нетрудно догадаться, что он образован от отчества Владимира Ильича. Ведь слово «Ильин» было когда-то равнозначно слову «Ильич». Когда Владимир Ильич подал прошение о разрешении ему сдавать экзамены за курс юридического факультета университета, он подписал его так: «Владимир Ильин Ульянов». Да и сам диплом, выданный ему университетом, начинается словами:

«Предъявитель сего Владимир Ильин Ульянов...»

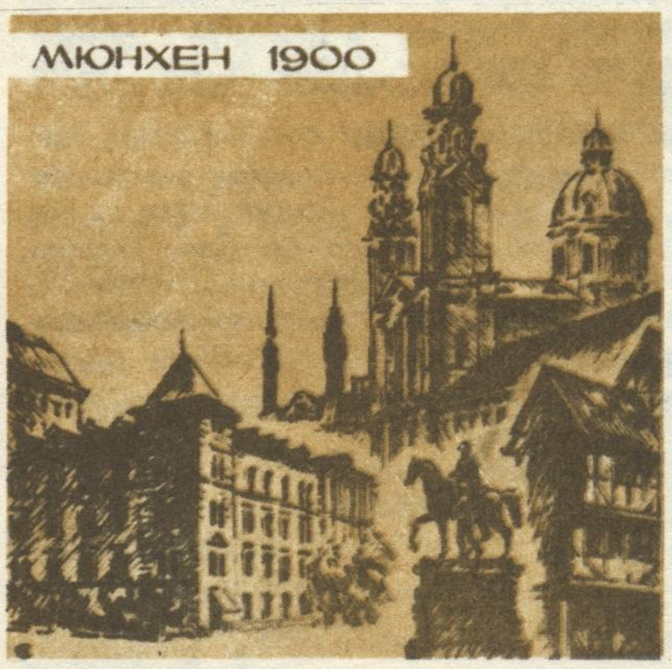
К этому надо добавить, что Ленин высоко чтил и глубоко любил своего отца. Родные вспоминали, что и по внешности, и по характеру он был очень похож на своего отца. Поэтому мы не ошибемся, утверждая, что любовь и уважение к отцу привели к возникновению этого ленинского псевдонима.

„Это наш Мейер“

В начале 1900 года В. И. Ленин поселился в германском городе Мюнхене, в гостинице с любопытным названием «К золотому дяде». Гостиница эта принадлежала немецкому социал-демократу Георгу Риттмейеру. Жить в Мюнхене было не безопасно и поэтому Владимир Ильич пользовался тогда различными псевдонимами. Он подписывался Петров, Фрей, Ильин, Ленин. А вот письма он просил адресовать «для Мейера».

Кто же такой Мейер? Это одна из распространенных конспиративных фамилий Ленина. Он особенно часто пользовался ею для нелегальной переписки в 1901 и 1902 годах. Вероятно, эта фамилия произведена от фамилии хозяина гостиницы. Владимир Ильич отбросил первый слог ее (Ритт) и получил довольно популярную в Германии фамилию — Мейер.

Дети хозяина очень любили своего постояльца и звали его «дядя Мейер», а он иногда делал им маленькие подарки.

С фамилией Мейер связана одна курьезная история. Живя постоянно в Мюнхене, Ленин как-то приезжал в Прагу, где познакомился с чешским рабочим Франтишеком Модрачеком. Он представился как Мейер.

Прошло много лет, в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Один чешский коммунист побывал в Москве и встретился с В. И. Лениным. Вернувшись на родину, этот товарищ разыскал Модрачека и спросил его:

— Ты видел Ленина?

— Нет, — ответил тот. — Ленина я ни разу не видел.

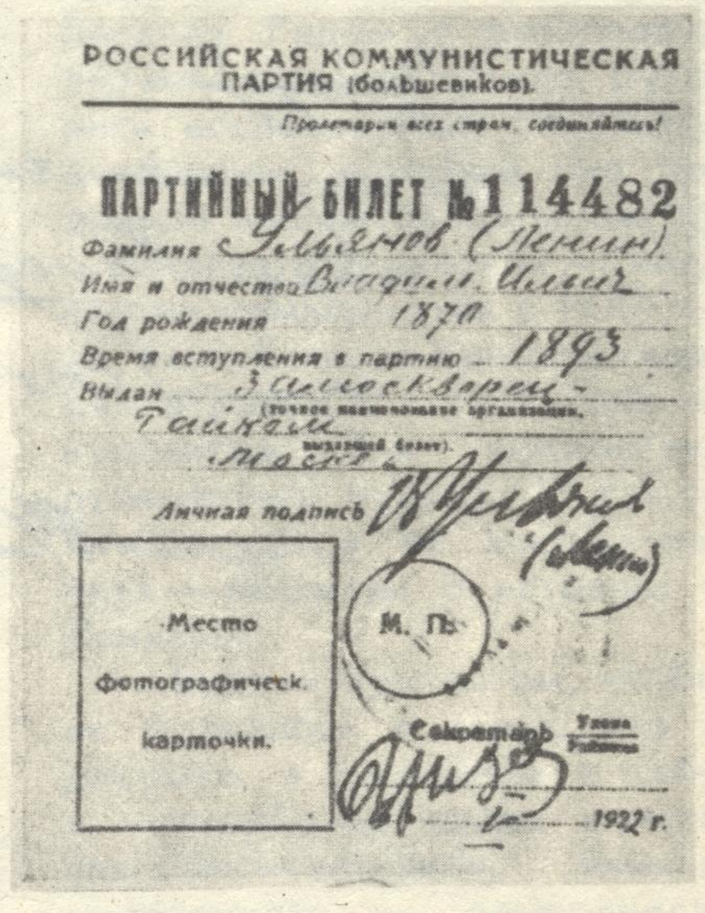
— Странно, — сказал гость.— Я говорил с Лениным. Он спросил, знаю ли я Франтишека Модрачека и добавил: «Передайте ему привет от Мейера. Он уж догадается».

А чешский рабочий в самом деле не подозревал, что гостивший у него молодой революционер Мейер и вождь Великой Октябрьской революции — это одно лицо! Только увидев как-то в газете портрет Ленина, позвал свою жену:

— Погляди, вот он. Ведь это наш Мейер!

Кто был Иван Иванович?

В 1905 году в России произошла революция. Владимир Ильич томился тогда на чужбине. Его тянуло на родину, в самую гущу революционных событий. И вот в ноябре 1905

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ № 114482

Фамилия Ульянов (Ленин)

Имя и отчество Владимир Ильич

Год рождения 1870

Время вступления в партию 1893

Выдан Замоскворецким (точное наименование организации, выдавшей билет).

Личная подпись

Место фотографической карточки.

М. П.

Секретарь

1922 г.

года Ленин приехал в Петербург. Но царская полиция зорко следила за каждым его шагом. Приходилось часто менять паспорта, менять имена и фамилии. Все же он выступал тогда довольно часто на собраниях, обычно под фамилией Карпова. Когда в Петербурге стало совсем опасно жить, Владимир Ильич перебрался на Карельский перешеек и поселился в поселке Куоккала (теперь Репино), на даче «Ваза».

Этой дачи теперь нет. А в начале века она стояла на опушке леса, вдали от шумных и «модных» мест. В этом отношении она была очень удобна для конспиративных целей. Дачу эту снимал большевик Г. Д. Лейтензен, и в конце 1906 года здесь поселились В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Владимир Ильич тут много и плодотворно работал: он писал статьи и листовки, проекты резолюций, руководил делами партии.

И тут произошло новое «превращение» Ленина. Тот, кто еще совсем недавно был в Петербурге Карповым, стал... Иваном Ивановичем. Приезжал из Петербурга связной, привозил почту, газеты и обращался обычно так:

— Мне нужно видеть Ивана Ивановича...

И через несколько минут появлялся Иван Иванович, то есть Ленин.

Иван Иванович нередко принимал участие в играх детей Лейтензена.

Разумеется, никто из детей не знал, кто такой Иван Иванович. Однажды произошел такой случай. Во время обеда старший мальчик Лейтензена — Морис заметил:

— Все говорят: Ленин, Ленин... Хотел бы я увидеть этого Ленина!

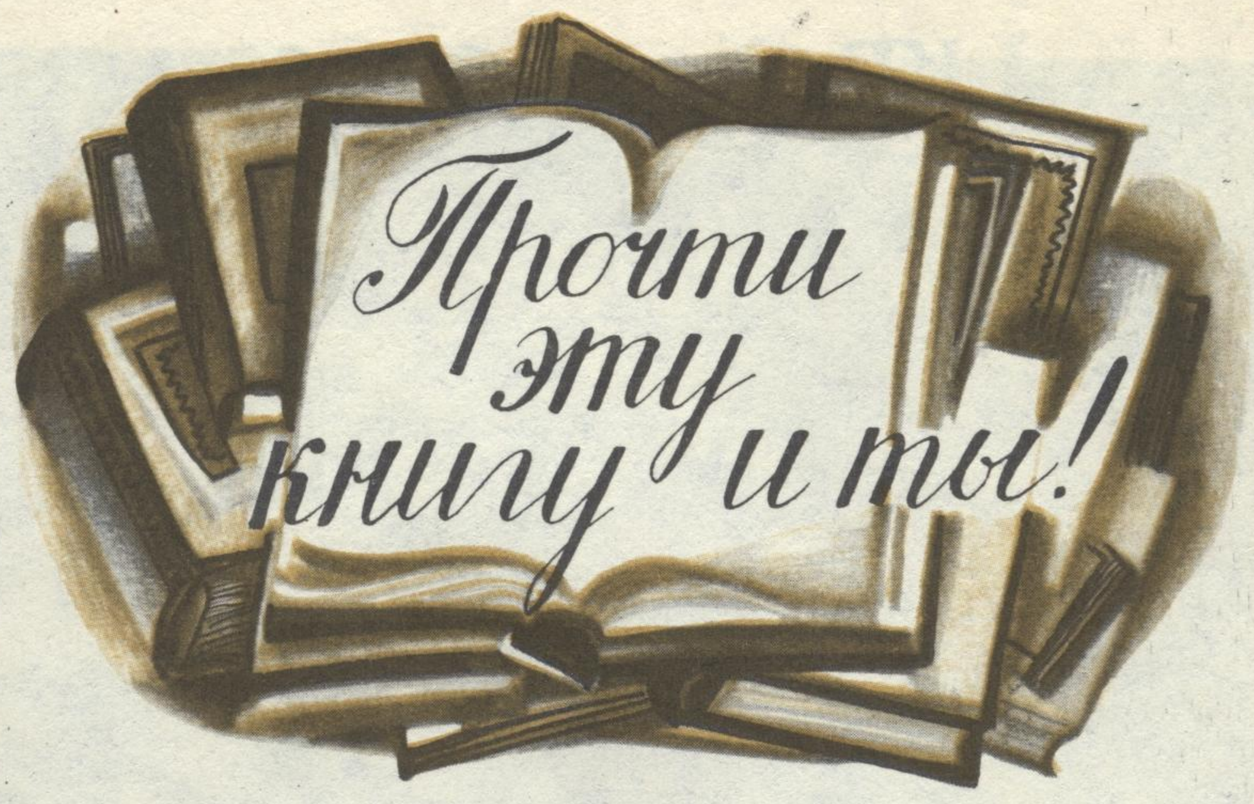
Он не знал, что рядом с ним за обедом сидел Иван Иванович, то есть тот самый Ленин.

* * *

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда Владимир Ильич стал во главе Советского правительства, все официальные документы он стал подписывать подлинной фамилией. Но он так сроднился со своим псевдонимом, что подписывался обычно: «В. Ульянов (Ленин)». Литературные произведения, партийные документы, записки Владимир Ильич по-прежнему подписывал: «Ленин».

Сейчас весь мир знает имя Ленина — величайшего пролетарского революционера и мыслителя, организатора Коммунистической партии, учителя и вождя трудящихся всего мира.

И. ВОЛЬПЕР
Оформление О. Смелкова

Книга Владислава Крапивина «Мальчик со шпагой» мне понравилась с первых страниц. Вообще-то я больше люблю читать книги про войну, про мушкетеров и их приключения. В этой книжке рассказывается, как живут наши ребята. Вроде у них все, как у всех, ходят в школу, занимаются в спортивном клубе. Но так у них все выходит, что живут они очень интересно. Главный герой Сережа Каховский все время попадает в разные истории. И везде он отстаивает правду, потому что он капитан пионерского клуба «Эспада». Он даже бандита с ножом не побоялся и помог милиции задержать его. Он настоящий товарищ! И я бы хотел иметь такого друга. И чтобы в каждом пионерском клубе был такой командир, как Олег из «Эспады».

Сережа Богданов,
город Чебоксары

Больше всего я люблю лето. Когда кончаются занятия в школе и можно ехать в деревню. Лес, речка, разные походы, ночной костер — об этом потом вспоминаешь целый год, до следующего лета. И читать я люблю про природу. Мне очень понравилась книга Виктора Астафьева «Конь с розовой гривой». В ней разные рассказы про жизнь ребят из сибирских деревень. Очень я переживала за Васютку из рассказа «Васюткино озеро», когда мальчик заблудился в тайге, а ведь он еще и в школу не ходил, но сумел побороть страх и выйти к Енисею и даже открыть озеро, очень богатое рыбой. Жаль, что этого озера нет на картах.

Наташа Васильченко,
Мурманск

Когда я прочитал книгу Юрия Коваля «Приключения Васи Куролесова», то она мне очень понравилась, и я стал ждать продолжения. Продолжение «Пять похищенных монахов» оказалось таким же интересным. Книгу можно назвать смешным детективом. Преступники там, хотя и опасные, но очень смешные. А ловят этих преступников мальчишки. На самом деле ребята ловили не преступников, а голубей, которых у них украли среди бела дня, но поймали Крендель и его брат не только своих голубей, но и шайку опасных преступников, которые называли себя монахами.

Ира Снегина,
Москва

ЧТО ПОМНЯТ СЛОНЫ

Тереза ДУРОВА

РАССКАЗЫ

Рисунки В. Топкова

Говорят, что у слонов обыкновенная звериная память. Память о месте, о пище, которой их кормят, о людях, которые за ними ухаживают. Но это не совсем так. Слоны помнят гораздо больше. Помнят о многом, что видят в жизни. Порой даже о том, что иногда забывают люди.

Однажды в цирке произошел такой случай. За кулисы пришел милиционер. Не из тех, кто приходит на спектакль с женами и детьми, и не тот, кто обычно назначается отделением на очередное дежурство. Просто пришел участковый милиционер в полной форме и попросил сторожа провести его к дрессировщику.

Репетиция только что закончилась. Звери уже на местах, с удовольствием жуют свои завтраки. Знаете, какими вкусными они кажутся после хорошей работы?.. Дрессировщик сидит в пустом зале — отдыхает. У него прекрасное настроение: репетиция удалась. А слониха Катрин — вот чудеса! — свой номер несколько раз сама исполнила, без всяких понуканий. Ее уже в слоновник увести хотели, а она — обратно в манеж: требует сызнова начинать.

«Умная она и трудолюбивая», — думает дрессировщик и вдруг слышит за спиной чей-то голос:

— Здравствуйте!

Повернулся дрессировщик. Милиционер! Удивительно... Что ж, если к вам ни с того ни с сего подойдет человек в милицейской форме, вы тоже удивитесь.

— Я ваш участковый, — говорит милиционер.

— Слушаю вас.

— Что делать будем? Штраф платить надо. Мы подсчитали убыток — сумма, скажу вам, не маленькая. Да деньги — не главное. Люди огорчены. По выходным дням работали, старались, вдруг — в пять минут весь газон вытоптан...

— Ну, а при чем здесь я? — удивляется дрессировщик.

— Как при чем? Она ж ваша...

— Кто?

— Слониха. — Милиционер достает блокнот, читает: — Зовут Катрин. Восемь лет. Работает в цирке. Так?

— Так. Только что с того?

— Не горячитесь, давайте по порядку. Сегодня в семь утра вы с Катрин на площади у цирка...

— Не было этого, — протестует дрессировщик. — В семь я еще спал, а Катрин дальше циркового двора хобота не кажет.

— Не обманывайте. У нас и свидетели есть. Это — раз. Да и других слонов в городе пока не наблюдается. Это — два.

— Но я и вправду ничего не знаю...

— Вот что случилось. Возле нашего отделения милиции, как раз рядом с цирком, был цветник, а кругом — газон. И старая ива рядом. Цветы мы сами покупали и сажали. А сегодня утром ваша слониха все цветы поела, а газон вытоптала. И еще иву сломала...

Дрессировщик вздохнул, придется всерьез разбираться, мало ли что утром могло быть...

Завтрак кончился. Катрин стоит во дворе — глаза от удовольствия закрыты, нежится на солнышке. Рядом человек сидит. Смотрит на нее, улыбается. Вы когда-нибудь видали родителей, которые наблюдают за своими малышами? Те, к примеру, куличики из песка лепят, а папы и мамы от восторга замерли. В этот момент они — самые счастливые люди на свете. И этот человек сейчас очень похож на них: еще бы, он очень-очень любит Катрин. Они уже много лет неразлучны в цирке.

Вдруг Катрин открывает глаза, оттопыривает уши, хобот — вверх, слушает, замерла.

— Что всполошилась, Катюша? Тут все свои.

А слониха чуткая, знает: чужой во дворе.

— Ну-ка, рассказывайте, что сегодня натворили, — обращается к ним дрессировщик.

К ним — это к слонихе и человеку. Известно: они всегда заодно.

Катрин, конечно, говорить не умеет. Но все понимает: уши прижала, хвост повесила. Чувствует, виновата.

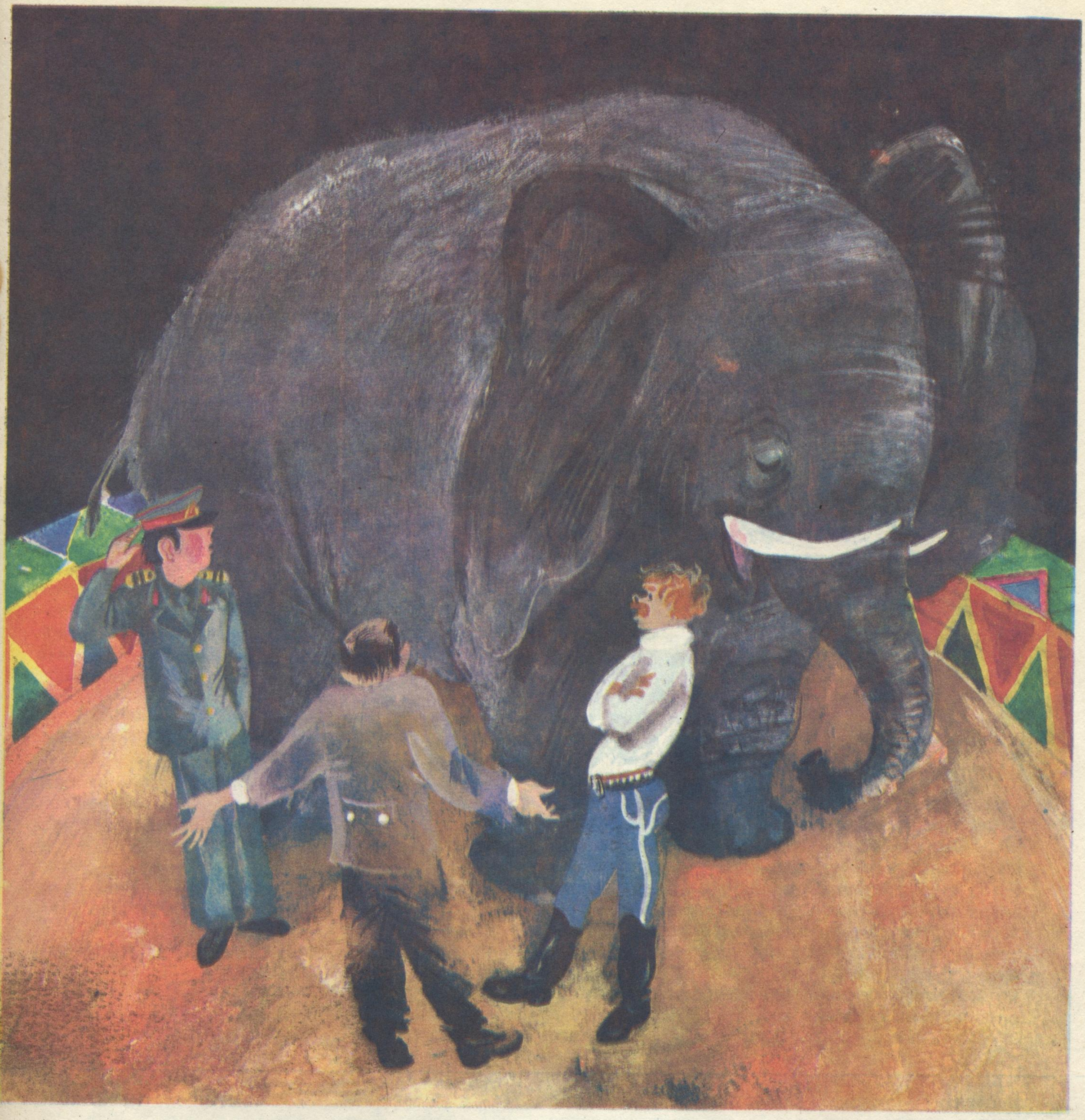
— А что стряслось? — невинно спрашивает человек.

— Разве можно слонов в цветнике прогуливать? — сердится милиционер.

— Да кто же знал, что так выйдет... — смущенно говорит человек. — Смотрю, погода хорошая, до репетиции — далеко. Дай, думаю, выведу ее, Катюшу, то есть, во двор, пусть пройдется. А она все к воротам норовит, в щелочку заглядывает. И то верно: двор-то ей надоел. Я и подумал: порадую Катюшу, выйдем на минутку. Вышли. А она газон углядела и на него. Долго стояла, все цветы нюхала, а потом — цап анютин глазок и — в рот. Я ей: «Нельзя, ругать будут!» Всегда такая послушная, а тут будто подменили. Цветы ей понравились. Может, первый раз в жизни попробовала... Народ собрался: кто кричит, ругается, кто хохочет. Я рассердился, закричал на нее: что, мол, хулиганишь? Прекрати сейчас же! Схватил за хобот и давай тянуть. А слоны грубого обращения не любят. Хобот вырвала, назад попятилась, а там — ива... Была... Вы, товарищ командир, учтите: она без умысла, нечаянно... А тут еще кто-то из ваших появился. Видать формы испугалась...

— И сбежали от милиционера тоже от испуга? — говорит участковый.

— Катюша побежала, а я за ней. Потом говорил ей: зря так поступили, теперь будут неприятности... — Человек смотрит на Катрин, будто просит: подтверди, подтверди, говорил я так?..

— А от меня почему все скрыли? — спрашивает дрессировщик. — Думали, не узнаю?

— Раньше времени расстраивать не хотели.

Дрессировщик задумывается. Как быть? Что ответить милиционеру? А тот, стоя рядом с Катрин, вдруг все позабыл. И должность свою. И возмущение. Глаза у него какие-то чудные стали, прямо, как у ребенка: первый раз слона «живьем» увидал. Ма-ахина! Ей бы только разок хоботом шевельнуть и — ищи всех потом. А она стоит смирнехонько: мол, наказывайте, виновата... И уж совсем по-детски участковый спрашивает у Катрин:

— Можно я тебя потрогаю?

— Можно, — отвечает за слониху дрессировщик. Он не удивлен, что обратились прямо к слонихе. — Только ее не просто потрогать надо, а ремнем по одному месту...

Милиционер робко поглаживает хобот:

— Я думал, ты мягкая...

Катрин стоит тихо-тихо. Чувствует: добрый человек.

Участковый все смелей гладит Катрин, нравится ему, что она такая шершавая. Не гладкая, как игрушка. Чувствуется, как под ладонью мышцы перекатываются.

— Вернусь в отделение, расскажу, что живого слона трогал — не поверят, — смеется милиционер. — А штраф платить придется...

Ну и смеху было в отделении милиции! Насмешил участковый своих товарищей, и Катрин из нарушителя превратилась в... героя. Даже решили всем отделением отправиться в цирк на представление.

И пошли.

Выходит Катрин на арену. Друзья хлопают по плечу участкового:

— Гляди, да она никак тебя узнала. Все в нашу сторону повернуться норовит...

Работает слониха отлично. Такие трюки делает, что не каждому слону под силу. Милиционеры довольны, аплодируют вовсю. Тут, как принято в цирке, выносят на манеж большую корзину с цветами. Слониха берет ее хоботом. Зал замирает: что она сделает? А она подходит к барьеру, хлопает ушами и... протягивает цветы участковому.

Должно быть хотела Катюша извиниться перед участковым за то, что натворила. Выходит, запомнила-таки своего нежданного гостя. А говорят: у слонов нет памяти. Вздор говорят. Сущий вздор!

НЕ ЗНАЮ ОТВЕТА...

Вы видели, как живут звери в цирке?

Все они — слоны и обезьяны, зебры и медведи, пони и собаки и даже тигры со львами — находят общий язык. Что их сближает? Может быть, работа, «профессия»... А может, и то, что надолго стали они соседями — по конюшне, по вольеру. А это то же самое, что быть соседями по квартире, по дому. Соседям же всегда разумнее жить в мире и дружбе... Нет, пожалуй, они даже и не соседи, а близкие родственники: вместе переезжают из города в город...

Может быть, все это так... Я не могу дать ответа. Да и никто не может. Мы, люди, только наблюдаем за их жизнью, за их поступками и порой изумляемся: как, откуда они все узнают друг о друге?..

Эта история вас, наверное, удивит, и вы скажете: «Надо же такое придумать!..» Но это не выдумка. Так все и было на самом деле. Вы уж поверьте...

...Заболел пони. Его звали Орликом. После выступления он отказался от ужина, а потом стал кататься от боли, бить копытами и кричать. Живот вспух, губы покрылись пеной. Мы решили: обычные желудочные колики. То ли сено попалось прелое, то ли вместе с овсом проглотил какую-нибудь колючку.

Промыли Орлику желудок, напоили его и попытались поставить на ноги. Но они заплетались, не слушались. И все же стоять на месте или лежать врачи запретили. Так мы и водили Орлика с огромным трудом всю ночь. А к утру ему полегчало... Все успокоилось: опасность вроде бы миновала.

Новый день начался как обычно.

Но вы, вероятно, не знаете, как начинает свой день семья цирковых животных... В семь утра приходят люди, которые за ними ухаживают. Все спешат: через час — репетиция. Звериные «простыни» — сено или опилки — из станков надо вымести, а каждого «артиста» привести в порядок: умыть, причесать. Верблюдов же, к примеру, еще подметают. Я не оговорилась — именно подметают: берут веник и смахивают с шерсти все, что в ней застряло. А до горбов нелегко дотянуться! Попросят лечь, а уж потом «подметают»...

В восемь начинается репетиция. Для зверей она — вроде нашей зарядки. Затем, разумеется,— завтрак. Ну, а после — прогулка. Ближе к вечеру «артисты» должны отдохнуть. А как же иначе: на арене надо быть «в форме»!

И тот памятный для меня день начался, как обычно. Только Орлика на репетицию не взяли: он спал. Дрессировщика очень удивило поведение всех других участников репетиции. Всё они делали кое-как, торопливо, словно спешили куда-то. Даже самая дисциплинированная слониха Катрин была рассеянна и невнимательна. Хобот безвольно повесила, ушами не махала... Бродила по манежу угрюмая... Дрессировщик подумал: не обидел ли ее кто?

— Что с тобой, Катрин?

Она посмотрела на него грустными, отсутствующими глазами. Повели ее отдыхать, а она поспешно протопала мимо слоновника на конюшню. Двери для нее были маловаты... Она умудрилась все же просунуть голову и — затрубила изо всех своих слоновьих сил, будто подала сигнал тревоги. Ее тянули за ухо, но она упиралась.

— Не трогайте ее, — сказал удивленный дрессировщик. — Посмотрим, что будет дальше...

А дальше было вот что.

Крики Катрин разбудили Орлика. Тогда слониха устремила к нему свой хобот, но, как ни старалась, увы, не могла дотянуться. Постояла немного, убедилась, что Орлику лучше, и лишь тогда отправилась в свой слоновник.

И другие звери вели себя странно. Каждый норовил заглянуть к Орлику. Он лежал тихо, даже чересчур покорно, — и его друзья по манежу успокаивались.

Сперва дрессировщику показалось, что у Орлика все в порядке. Естественно, что лежит: всю ночь ведь не спал. Похлопал дрессировщик по шее, а она мокрая, потная. Будто пони недавно выкупали.

— Плохи наши дела, — тихо сказал дрессировщик. — Видно, заболел ты, братец, всерьез...

Позвонили врачу. Явился он только к вечеру. Высокий, длинноволосый, и одет был так, будто сошел с магазинной витрины. Шел по цирку и озирался: как бы за что-нибудь не задеть, как бы пальто не запачкать!

— Очень уж у вас тут животными пахнет, — сказал он, брезгливо морщась.

— А чем же еще может пахнуть в цирке? — обиделся дрессировщик. Но ссориться с врачом не хотел и перевел разговор на другую тему: — Вот здесь у нас... слон. Хотите посмотреть?

— Что я, на экскурсию к вам пришел? — Брезгливый врач удивленно приподнял плечи.

Дрессировщик не настаивал, не хочет — не надо.

Орлика ветеринар, то есть звериный врач, тоже осматривал как-то небрежно. Пощупал живот, попросил измерить температуру...

— Все ясно. Выпишу ему лекарство. И еще как-нибудь забегу. Случай-то, в общем, пустячный...

— Как же пустячный?! — возразил дрессировщик.

— Не надо преувеличивать. Кто из нас врач?— Раскланялся и ушел, отряхиваясь на ходу.

— Не повезло нам, бедняга, — сказал дрессировщик. — Можно ли ему доверять? Придется поискать другого ветеринара.

И тут помог случай.

Вечером, после представления, к дрессировщику подошли двое зрителей, в телогрейках и валенках. Как видно, не городские...

— Мы с конезавода, который километров за тридцать, — сказал один. — Карликовых пони выводим. Я зоотехник, а он ветеринарный врач. Хотелось бы на ваших питомцев взглянуть!..

Дрессировщик обрадовался, повел гостей в конюшню.

— Заболел у нас пони, — пояснил он. — Лекарства даем... А лучше ему не становится.

Подошли они к Орлику. Врач присел на корточки, погладил его.

— Ну, дружок, — ласково сказал он, — посмотрим-ка, что тут с тобой стряслось.

Он долго осматривал Орлика, потом прочитал рецепты.

— Не помогут эти лекарства... Положение, не скрою, тяжелое. Даже не уверен, удастся ли нам беднягу спасти. — И обратился к зоотехнику: — Возвращайся-ка ты без меня. Только пришли кого-нибудь с инструментами. И лекарства пусть захватит. Я сейчас выпишу... — Потом снова обратился к больному: — Тебя Орликом зовут? А меня Трофимом. Теперь будем жить с тобой вместе.

Плохо выглядел Орлик! Очень плохо... Бока ввалились, дыхания почти не было слышно, только живот чуть-чуть вздрагивал. Он смотрел Трофиму прямо в глаза, будто просил о помощи.

Пять дней Трофим сражался за Орлика. Делал ему уколы каждые полчаса — и днем и ночью. Кормил его из рук и спал тут же, рядом. А сам не ел почти ничего: просто не успевал. Только кофе пил крепкий, чтобы не уснуть невзначай... И все звери в цирке, казалось, понимали, что Трофим — это их друг. Катрин, когда он ненадолго заглядывал к ней, радостно хлопала ушами и осторожно обнимала Трофима хоботом.

Однажды в цирк заглянул тот самый, брезгливый, врач... Хотел попросить у дрессировщика пропуск на представление. Звери заволновались: лошади ржали, собаки лаяли, а Степа, милый и безобидный верблюд, высунул голову из вольера и... плюнул вдогонку пришельцу.

Но этим дело не кончилось... Когда незваный гость проходил мимо слоновника, Катрин заметила его и.. пришелец исчез.

А потом дрессировщик с ужасом услышал его пронзительный крик:

— Помоги-ите!

Надменный ветеринар барахтался под самым потолком на огромном крюке, на который обычно вешали тяжелую и длинную попону Катрин... Сейчас за него зацепился воротник модного докторского пальто.

— Что вы смо-отрите?! — истошно орал пленник Катрин. — Пошлите за лестницей! Только сами не уходите. Я бою-юсь! Пошлите за лестницей!

— Я бы спустил вас с лестницы... — сказал дрессировщик. — Но лучше уж попрошу Катрин, и она сама спустит вас вниз.

— Нет, спасибо! Я подожду...

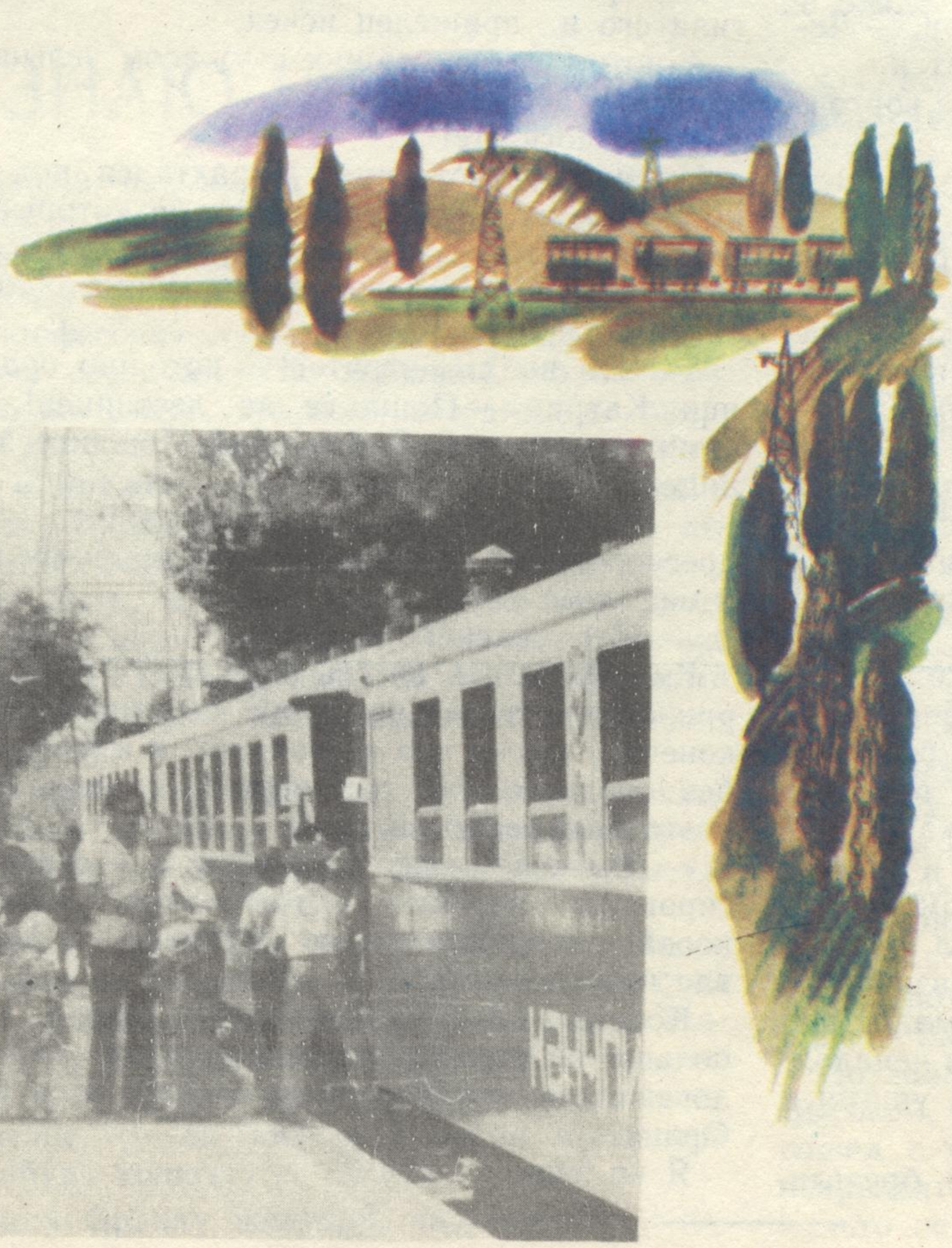
Ему пришлось висеть еще минут пять. А Катрин стояла в дальнем углу, опустив хобот. Она, конечно, знала, что ей попадет, а может, оставят без сладкого. Но она верила в свою правоту, и это придавало ей силы.

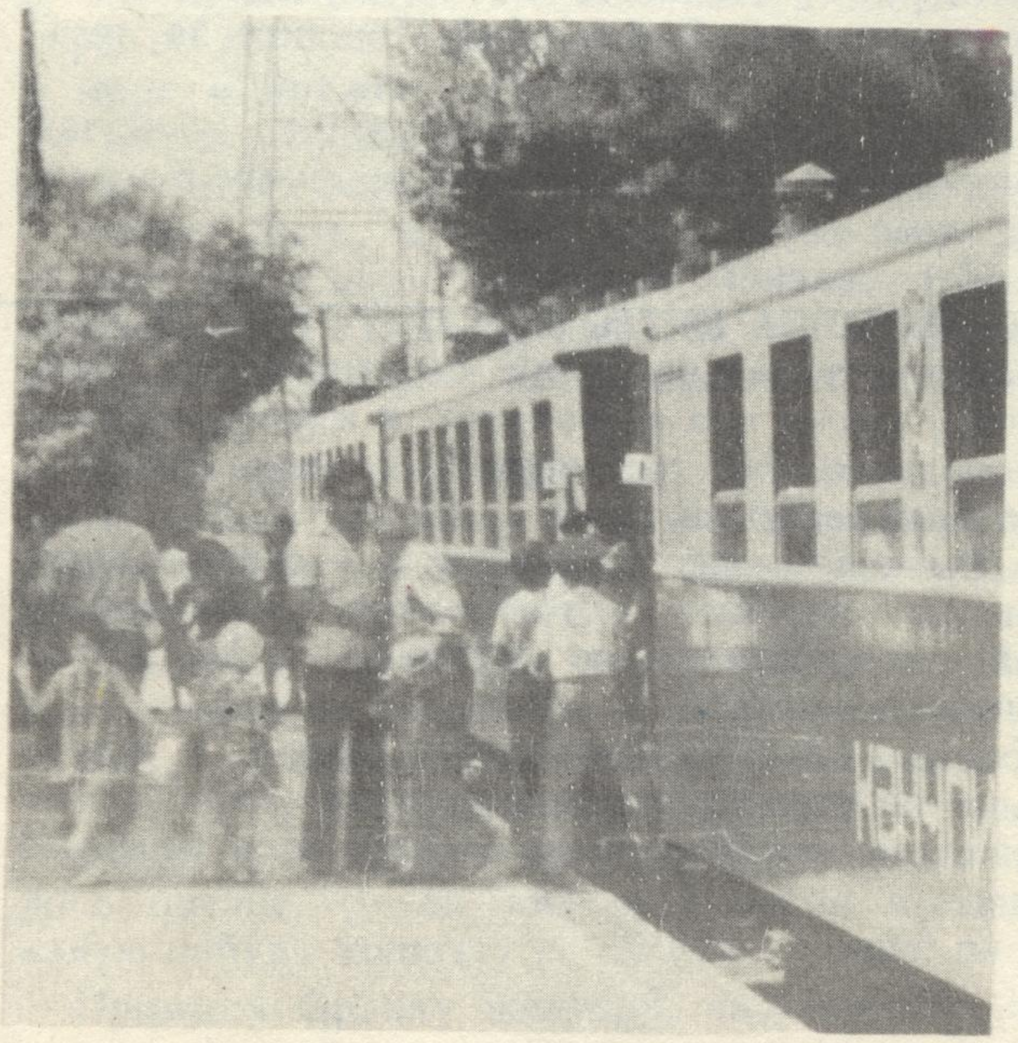
— Вы еще легко отделались, — сказал дрессировщик изрядно потрепанному ветеринару, когда тот спустился по лестнице. — Она могла вас и покалечить.

Конечно, легкомысленного доктора в цирке больше не видели. Но вот загадка: как Катрин догадалась, что именно из-за него чуть не погиб Орлик?

Я не знаю ответа...

ЗНАКОМЬСЯ,
ТВОЙ РОВЕСНИК!

Дима Фатеев будет машинистом!

Сказать по правде, меня удивило, что поезд отошел от станции «Комсомольская» точно по расписанию. Минута в минуту. А это, если хотите знать, было не так-то просто.

Это означало, что диспетчер вовремя дал команду открыть нужные стрелки и светофоры, диктор объявил посадку, проводники проверили билеты и пропустили в вагоны пассажиров, дежурный по станции дал сигнал отправления.

Машинист тепловоза тронул состав с места осторожно, почти незаметно. Загудели рельсы. Потом застучали колеса на стыках. Поезд начал набирать скорость...

— Все обыкновенно, — скажете вы. — Что же тут особенного?

А вот что.

Диспетчер, диктор, стрелочники, проводники и все остальные железнодорожники были не старше четырнадцати-пятнадцати лет.

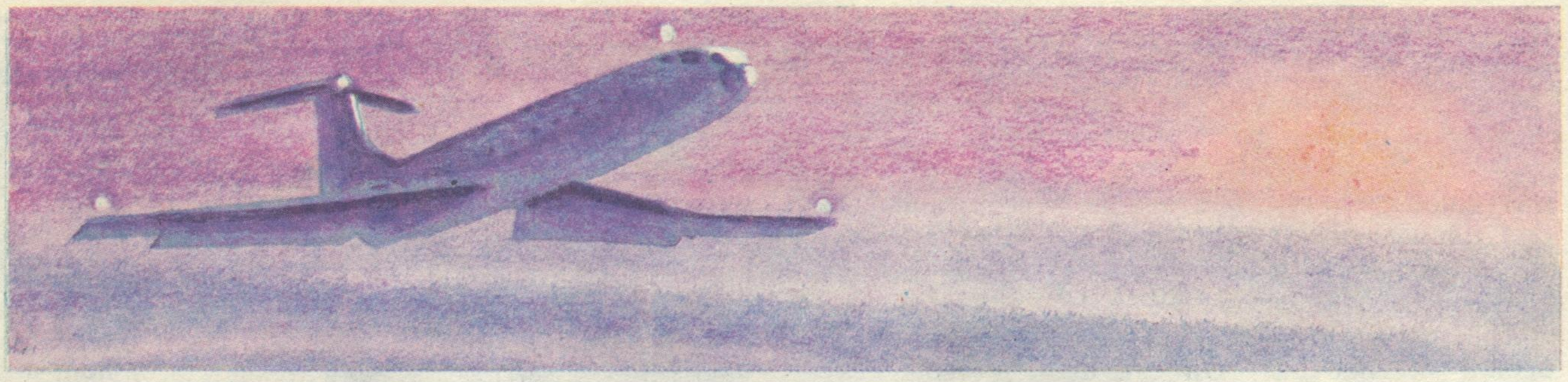
Это происходило на детской железной дороге в Баку...

Начинал Дима с проводника, потом стал стрелочником. Машинист-инструктор Василий Ломинога взял его на тепловоз, на обучение. И стал Дима машинистом тепловоза. Не сразу, конечно. Многому пришлось учиться, трудно бывало... Впрочем, ругал наставник редко. Правда, хвалил тоже редко. Терпеливо учил, помогал увидеть ошибки. Благодаря наставнику и окрепла у Димы настоящая, преданная любовь к железной дороге...

Пять лет прозанимался, а точнее сказать, проработал Дима на детской железной дороге.

Сейчас, когда вы читаете этот рассказ, Дима Фатеев учится в Бакинском железнодорожном ПТУ № 2.

М. МАМЕДОВ

МЫ ЕЩЁ ВСТРЕТИМСЯ...

Борис РАЕВСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунки М. Нефедовича

Самолет летел мягко, без малейшей качки и тряски.

Виктор Бантиков сидел, удобно откинувшись на спинку кресла, возле иллюминатора. Но в иллюминатор не смотрел.

Если бы всего восемь лет назад ему, тогдашнему шестнадцатилетнему вологодскому пареньку Витьке Бантику, ученику-газосварщику из ПТУ № 8, сказали, что он будет вот так, запросто, со скоростью девятьсот километров в час мчаться на высоте одиннадцати тысяч метров в Голландию, Швецию или Норвегию, он бы лишь усмехнулся: «Хватит заливать-то!»

Но с тех пор он летал уже не раз, и не десять раз, и по Советскому Союзу и за границу. Постепенно салон самолета стал для него чем-то привычно-будничным, вроде трамвая.

Полулежа в кресле, Бантиков пытался дремать. Но это не удавалось. А едва он открывал глаза, как прямо перед ним возникал черный, крепкий, аккуратно подстриженный затылок.

Он мешал Бантикову. Взгляд утыкался в этот затылок, и Виктор ничего, кроме него, уже не видел.

Впереди сидел Николай Ильин — многократный чемпион страны по конькам, обладатель всесоюзного рекорда в беге на 5000 метров.

«Пятерка»* — коронная дистанция Ильина. Но «пятерка» — также любимая дистанция и Бантикова. В этом и была вся штука!

Сколько раз уже пытался Виктор обойти Ильина. И каждая новая попытка кончалась, как и предыдущая. И почти всегда не хватало какой-то ерунды, мелочишки, одной-двух секунд, а иногда — даже долей секунды,

Тренер Карашьянц твердил Виктору: ты сильнее Ильина. Виктор и сам был убежден: обойду. Но шли месяцы и годы, а Ильин оставался недосягаемым.

В этот раз Виктор решил: теперь или никогда. Он тренировался, как одержимый. Он и вообще-то был упорен. И даже упрям. А тут превзошел самого себя. Тренировался каждый день, не давая себе ни малейшей поблажки.

Друзья не зря называли Виктора «бычком». За его крутой лоб с двумя шишками наверху.

---

* Пятикилометровая дистанция.

Но, главное, — за характер. Настырный, упрямый.

Карашьянц очень ценил упорство Виктора. Ставил его в пример другим бегунам.

— Кому из вас и сколько таланта отпущено матушкой-природой — это мне неведомо, — любил повторять тренер. — А вот у кого сколько трудолюбия, это я сразу вижу. Люблю упрямых. И не терплю лентяев.

Тренируясь в последние месяцы, Виктор твердо верил: он победит. Он ощущал в себе такую окрыленность, такую легкость, такой запас взрывной энергии!.. И по контрольным прикидкам видел: он как раз достиг той великолепной формы, того «пика», к которому так стремится каждый спортсмен.

«Ну, держись, Коля-Николай!» — подумал он, глядя в круглый затылок.

И загадал: если Николай сейчас обернется — все будет хорошо. Впился глазами ему в затылок и мысленно приказал:

«Ну, обернись! Обернись же! Обернись!»

Эту игру он полюбил давно: задумать что-нибудь и взглядом внушить. Телепатия, что ли? Иногда получалось.

«Ну, Коля-Николай, обернись! Ну! Обернись!»

Но Ильин был недвижим, как тумба.

«Ну же! Повернись!»

Виктор сверлил глазами этот крепкий черный затылок.

И Ильин обернулся.

— Как раз на полпути, — сказал он, указывая на часы.

Виктор прикрыл глаза, откинулся на спинку кресла. Все-таки, Ильин — неплохой парень. И умен. Институт кончил. (Это была больная мозоль Виктора: у самого у него только ПТУ — весь ученый багаж.) И злости настоящей против него не появляется. А злость в борьбе — великое дело.

«ТУ-104» летел все так же беззвучно. И все так же внизу сверкало ровное поле облаков.

Маленький шведский городок последние недели только и жил коньками. Для соревнований он отдал всего себя: свои отели, магазины, транспорт, свой отличный, капитально обновленный стадион, свои почтовые отделения.

Символ первенства — мчащийся в низкой посадке конькобежец с одной рукой, заложенной за спину, и другой — вытянутой в резкой отмашке. Эта броская картинка красовалась и в витринах магазинов, баров, парикмахерских, и на ветровых стеклах автомашин, и даже на дверях банка и городской мэрии.

Виктор Бантиков в тот день встал рано, вышел на улицу. Погода была самая «коньковая». Легкий морозец и небо ясное, чистое, какое-то удивительно прозрачное.

«Повезло!» — подумал Бантиков.

Именно о такой погоде он и мечтал всегда, когда мысленно представлял себе, как обойдет Ильина.

Хорошо бы, конечно, бежать с ним в одной паре, рядом. Вот тогда он наверняка опередил бы чемпиона. Но в одной паре — это слишком большая удача. На это рассчитывать нельзя.

Впрочем, и так он обгонит Ильина. Он это знал, чувствовал каждой клеточкой своего сильного, тренированного тела.

Некоторые недруги, завистники — а у кого из стоящих спортсменов нет их?! — шептались, что, мол, Витька слишком задирает нос, самоуверен больно. До Виктора докатывались эти разговорчики. Но он считал так: если хочешь быть первым, надо, непременно надо, крепко верить в себя.

Вскоре он вернулся в гостиницу, еще тихую, совсем сонную. В коридоре, неподалеку от своего номера, увидел Ильина. Тот был в тренировочных брюках, с мокрыми волосами.

«Наверное, только что из душа», — подумал Бантиков.

Лицо у Ильина было хмурое, бледноватое.

«Волнуется», — мелькнуло у Бантикова.

— Привет! — сказал он. — Как жизнь чемпионская?

— Порядок! — усмехнулся Ильин. Но глаза не смеялись, оставались холодными.

И Бантиков снова подумал: «Волнуется!»

Он понимал: Ильину есть отчего тревожиться. Правда, Ильин все еще чемпион, но вот уже четыре года он показывает одни и те же секунды. Может, они и неплохие, но вперед Ильин уже не движется. А это скверный признак. Кто не идет вперед, обязательно поползет назад. Не нынче, так завтра. В спорте, как и в жизни, стоять на месте невозможно.

Виктор вошел в свой номер. Номер был для двоих. Бантиков поселился там со своим другом Андреем.

Рассказал ему о встрече с Ильиным.

Андрей слушал молча. Он вообще никогда не перебивал.

— Конечно, — сказал Андрей. — Ты обставишь его. Не сомневайся.

— А я и не сомневаюсь! — ответил Виктор.

— И правильно! — снова подтвердил Андрей. — И не сомневайся.

Вскоре спортсмены были на стадионе.

Погода понемногу менялась. Солнце скрылось за тучами. Легкий ветерок упрямо тащил их с моря. Но лед был по-прежнему хорош. И сулил «быстрые секунды».

Как всегда, многоборье началось с пятисотки. Ни Ильин, ни Бантиков не были спринтерами и на этой, самой короткой дистанции, обычно не блистали. Но сегодня лед был такой, что и у Бантикова, и у Ильина результаты оказались вполне приличными. Не в первой пятерке, правда, но подходящие. Лидером стал финский спринтер Малькерн.

Вскоре начались главные забеги дня: пять тысяч метров. Любимая дистанция Бантикова и Ильина.

Обычно Виктор не смотрел на забеги до своего выступления. Надо было экономить нервную энергию. За годы состязаний он приучился терпеливо ожидать своей очереди в раздевалке, лишь по радио следя за ходом борьбы.

Но сегодня он изменил привычке.

В третьей паре бежал Ильин. И Виктор решил посмотреть этот забег.

Он вышел из раздевалки, зашагал к ледяному полю. Однако в нескольких метрах от дорожек остановился. Подходить ближе, к самому полю, не хотелось.

Виктор даже укрылся за спиной суетившихся тут дюжих парней с кинокамерами. Ему почему-то не хотелось, чтоб Ильин видел его. Хотя?.. Чего скрывать-то?

«Глупо», — подумал Виктор.

Но все-таки почему-то продолжал словно бы прятаться.

Ильин в паре с японцем Сакемурой подкатил к стартовой черте. Ильин был подчеркнуто медлителен. Перед каждым своим движением он несколько секунд как бы раздумывал, колебался: а стоит ли его совершать, это движение? Но Виктор знал: эта заторможенность — нарочитая. С выстрелом стартера она сменится взрывом энергии.

«Да, ничего не скажешь, красивый парень», — подумал Виктор.

Ильин был высокий, ноги — длинные, плотно обтянутые рейтузами. И лицо с резко очерченным подбородком и плотно сжатыми губами. Точно такой, как на недавней цветной фотографии в «Огоньке».

Негромко, как детская хлопушка, щелкнул выстрел.

Первый круг Ильин прошел за 37,4 секунды.

«Резво», — отметил Виктор.

Японец сразу отстал.

Это было наруку Виктору. Значит, Ильину не с кем бороться. Нет живого противника, который бежит рядом, рвется вперед, жмет изо всех сил и как бы подхлестывает тебя: еще, еще скорей! А теперь остался только один соперник — юркая, неуловимая стрелка секундомера.

А Ильин бежит... Второй круг... И третий...

И каждый круг он укладывает в одни и те же секунды — 37,4.

Непосвященному показалось бы просто невероятным: как это — каждый круг ровно в одно и то же время?! Но Виктор-то знает: в этой выверенности каждого отрезка нет никакого чуда. Результат долгих тренировок, вот и все.

После пятого круга скорость чуть снизилась.

А на финише секундомеры засекли: 8 минут, 32,7.

Результат неплохой, но и не блестящий. По такому льду можно и лучше...

— Можно и лучше! — вдруг негромко сказал кто-то рядом.

Это было неожиданно. Повторили вслух его мысль. И притом — по-русски.

Виктор повернул голову. Рядом стоял Андрей. Когда он подошел? Виктор и не заметил.

Он поглядел в глаза Андрею, но ничего не сказал.

«Конечно, можно!» — подумал Виктор и, чувствуя учащенные, радостные удары сердца, ушел в раздевалку.

Теперь, зная результат Ильина, еще более уверился: он обойдет чемпиона.

Еще бы, 8 минут 32,7 секунды! И это при такой чудной погоде! Ну, нет! Виктор не раз показывал и 8 минут 30 секунд, и даже 29. И уж сегодня он постарается!

Виктор лег на раскладушку, подложил руки под голову и закрыл глаза.

Он бежал в шестнадцатой паре. Ждать еще долго. Очень долго. Важно не перегореть до начала забега.

«Надо отвлечься», — велел он себе.

...Он повернулся на раскладушке, улыбнулся. Перед закрытыми глазами появилась Танька. Вот по телевизору передают балет.

— Пап, а почему только низенькие тетеньки танцуют? И все на цыпочках, все на цыпочках? Чтобы думали, что они высокие, да?

Потом перед глазами остался только лед, гладкий, сверкающий, как намыленный. И он, Виктор, на этом льду.

Сколько их было, этих очередных ничем не примечательных тренировок?! И Карашьянц тут же. С секундомером, как всегда. И как всегда, серьезный, неулыбчивый. Виктору иногда кажется, что он вовсе никогда не улыбается, этот Карашьянц. Просто не умеет улыбаться. Но мужик он стоящий, твердый. И все понимает без слов.

Жаль, сегодня его здесь нет.

Недаром же они набегали пять тысяч километров. Шуточки!

Это на катке. А летом на роликах сколько?! И не сосчитать.

Он вспомнил, как визжала от восторга Танька,

когда он возле дома гонялся по асфальту на роликовых коньках, и усмехнулся.

И к тому же лед нынче!.. Не лед — сказка!

На всяком классном катке лед — предмет особой, нежной заботы. Его заливают не простой водой, а дистиллированной, чтобы был он более скользкий. В дистиллированной воде нет солей, а их, особенно солей кальция, много в обычной воде, и они тормозят бег. Потом лед шлифуют горячей водой. Покрыв лед тонкой пленкой, она растапливает малейшие бугорки, идеально выравнивает беговые дорожки. Вдобавок их еще обрабатывают специальными машинами.

Так ухаживают за льдом на каждом катке высшего класса. Но этот каток в маленьком шведском городке особо славится во всем мире. Он был как бы специально создан для рекордов.

...Виктор лежит на раскладушке. А в ногах молоточки. Маленькие такие, четкие молоточки. Они стучат, как невидимые часы. Тук-тук, тук-тук. Они всегда начинают стучать у него в ногах — в икрах, в голенях, когда старт неумолимо надвигается, когда остается совсем уж немного.

По трансляции объявили: закончила дистанцию седьмая пара, вот ушла восьмая...

Дверь раздевалки открылась. Вошел Андрей. Молча стоял у входа. Лицо у него было какое-то странное: то ли торжественное, то ли огорченное.

— Ты чего? — спросил Виктор.

Андрей молчал. Потом сказал:

— Давно лежишь?

Виктор неопределенно качнул головой.

— А ну, встань...

Было в голосе Андрея что-то такое, что заставило Виктора вскочить.

— Что? — спросил он. — Что стряслось?

Андрей молча вышел из раздевалки. Вслед за ним заторопился и Виктор.

Сперва он даже не понял, что такое?

Ясный звонкий денек — где он? Неужели каких-нибудь полчаса назад было голубое, прозрачное сине-зеленое небо и зеркальный лед? Теперь небо опустилось, провисло низко, и было оно серое, словно затянутое тусклой мешковиной. И с него, с этого безрадостного неба, сыпались мелкие, почти неощутимые капельки, скорее даже не капельки, а пыль, мельчайшая водяная пыль.

— Такие пироги... — сказал Андрей.

Виктор глянул на трибуны. Зрители сидели, нахохлившись, прикрывшись газетами, подняв воротники. Зонтов вот только не было. А то б совсем весенняя картинка.

— Все равно, — хрипло пробормотал Виктор.— Все равно... Я обгоню Ильина.

Андрей махнул рукой:

— Брось, ты ведь не ребенок...

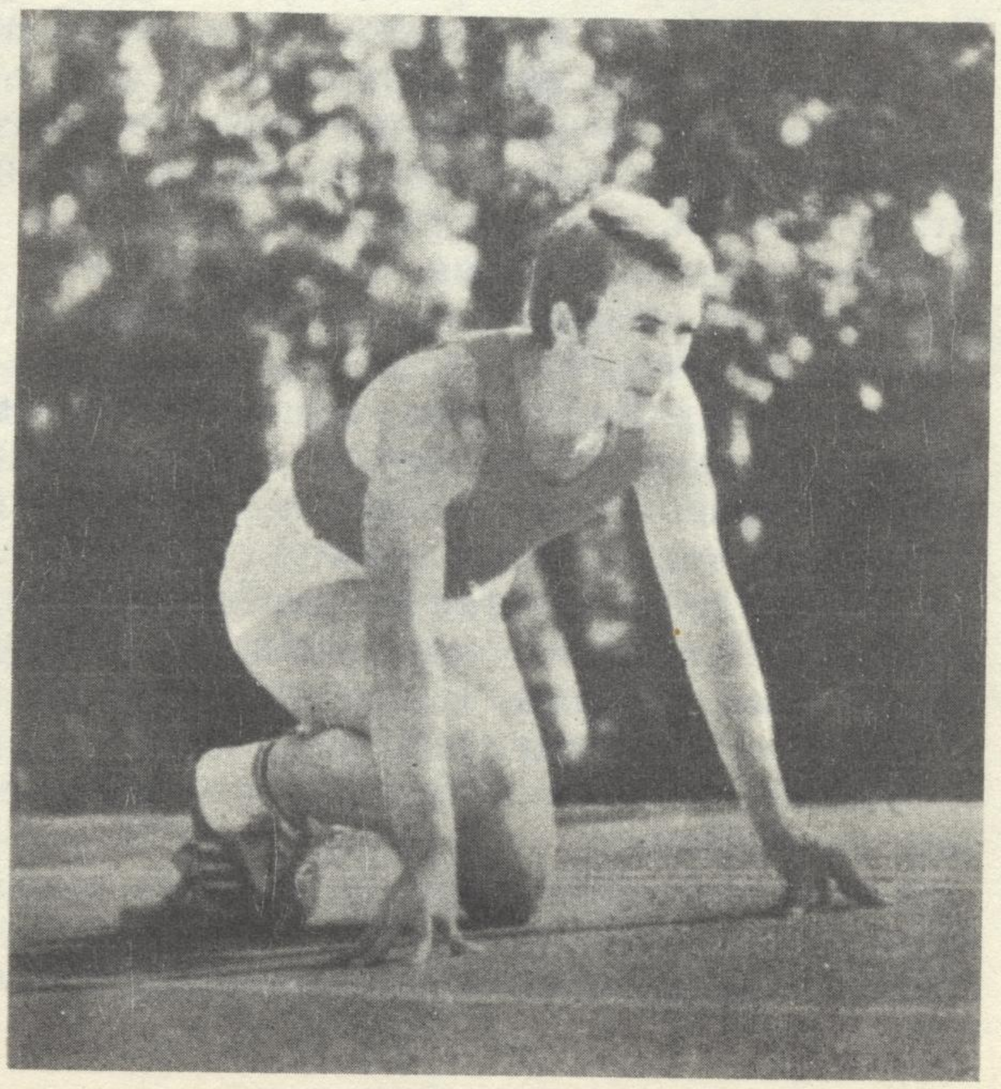
— Все равно! — с яростью повторил Виктор.

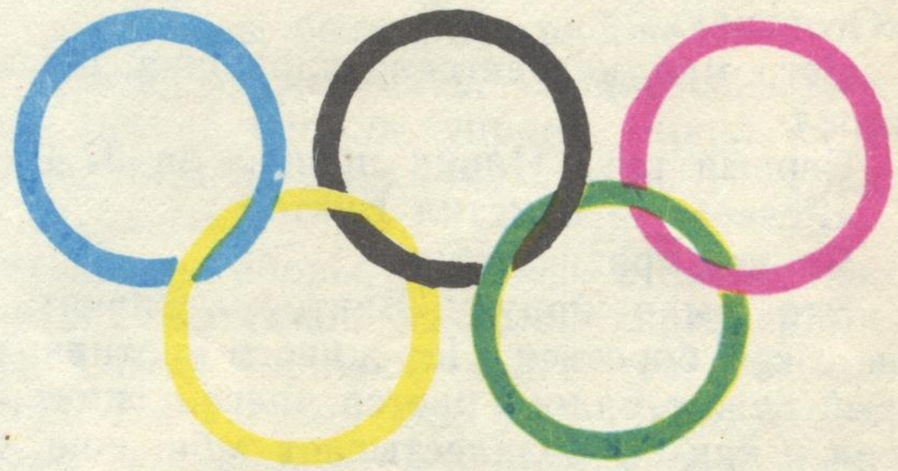
...А еще через полчаса он стартовал: шестнадцатая пара. К тому времени дождь усилился. Лед теперь уже был сплошь покрыт тонким слоем воды.

С выстрелом стартера Виктор яростно рванулся вперед. Он бежал с таким ожесточением, словно хотел доказать и себе, и погоде, и судьям, и вообще всем, всем, — ничто не может помешать ему, ничто!

ОЛИМПИЙСКАЯ ВИКТОРИНА

ВОПРОСЫ 5-го ТУРА

Назовите победителей футбольных состязаний всех Олимпиад. Команде какой страны и почему вы предсказываете победу на футбольном турнире Олимпиады „Москва-80“?

Что вы знаете о советском спринтере, изображенном на этом снимке?

Он бежал, как будто призом была его жизнь, его собственная жизнь.

Острые лезвия его коньков резали лед и разбрызгивали воду.

Первый круг он прошел за 38,4. Всего на секунду хуже Ильина, и это под дождем!..

Но второй круг, несмотря на все усилия, он уже не смог одолеть так быстро. А на третьем скорость еще упала.

Болельщики на трибунах понимали: это нелепо пытаться показать хорошие секунды на таком льду. На всем стадионе, пожалуй, один только Виктор Бантиков не понимал этого. Не хотел понимать.

Так он и шел. Всю дистанцию. С яростью, с безмерным упрямством. На финише секундомеры показали: 8 минут, 44,7 секунды. На двенадцать секунд отстал Виктор от Ильина.

Двенадцать секунд... Это и много, и мало. Много, если все нормально, и один скороход проиграл другому целых двенадцать конькобежных, длинных, как годы, секунд. Мало, если один бежит по льду, а второй по воде.

Прихрамывая, спотыкаясь от усталости, вмиг словно постаревший и осунувшийся, медленно брел Виктор в раздевалку.

Рядом молча шагал Андрей.

Они шли по асфальтированной, покрытой льдом дорожке мимо группы девушек, мимо снегоочистительной машины, мимо полицейского.

У дверей раздевалки они остановились.

— Обидно, — сказал Андрей. — Жуть, как обидно.

Виктор не ответил.

Еще бы не обидно! Шесть тысяч тренировочных километров! Считай — шесть бочек пота... И вот, когда победа почти рядом...

И главное — если бы это впервые! Ведь сколько раз встречался он с Ильиным! И каждый раз в опасный момент фортуна спасала чемпиона. Но будем справедливы, дело не только в фортуне, и сам Ильин, конечно, не плох, но в решающий миг, как и сегодня, спортивное счастье почему-то обязательно поворачивалось своим улыбающимся лицом к Ильину. Да, непременно лицом — к Ильину, а спиной — к нему, Виктору Бантикову.

Виктор глядел на притихшие, словно мертвые, трибуны.

— Все равно, — хрипло пробормотал он. — Завтра я обгоню...

Андрей кивнул.

Да, он не сомневался. С Витькиным фанатичным упорством можно горы свернуть. И, конечно, не сегодня, так завтра, не завтра, так через год, но Витька своего добьется.

Андрей, задумавшись, молчал.

Виктор вдруг вспыхнул:

— Не веришь?

— Верю! Верю! Конечно. Завтра ты его — на лопатки...

Многоборье-то продолжалось.

Завтра предстояли забеги на 1500 и 10 000 метров.

— Да, на лопатки, — сказал Виктор, взглянул на Андрея и добавил неожиданно веселым голосом, — а все-таки здорово, что мы победили.

В каком году сделаны эти олимпийские снимки? Что вы знаете о победителях Олимпиад в состязаниях по перетягиванию каната и стрельбе из лука? Состоятся ли такие состязания на XXII Олимпийских играх в Москве?

НАЗОВИТЕ ФАМИЛИИ ОЛИМПИЙСКИХ ЧЕМПИОНОВ ПО КЛАССИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В ТЯЖЕЛЫХ ВЕСОВЫХ КАТЕГОРИЯХ. КТО ПЕРВЫМ ИЗ СОВЕТСКИХ БОРЦОВ-ТЯЖЕЛОВЕСОВ И НА КАКОЙ ОЛИМПИАДЕ ЗАВОЕВАЛ ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ?

Нарисуйте эмблему Национального Олимпийского комитета Кубы.

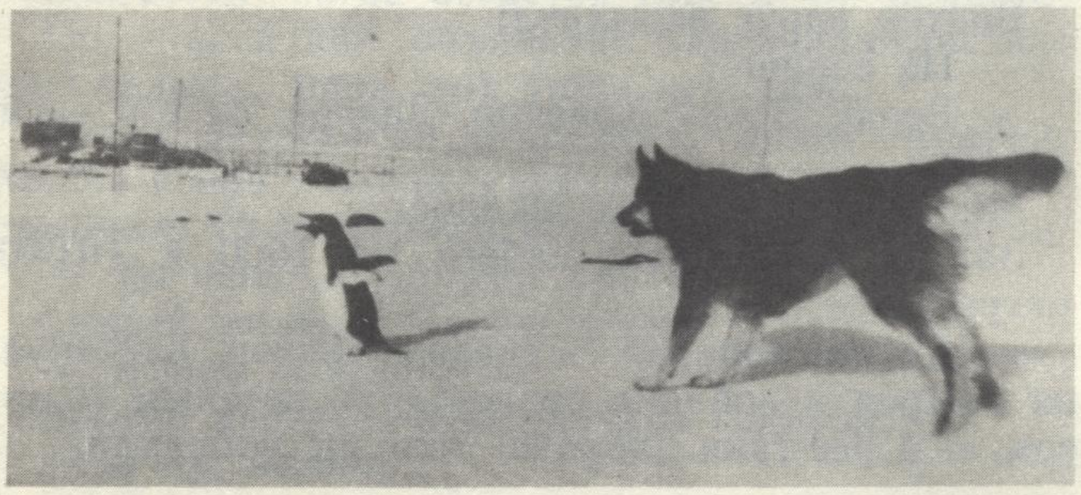
Срок для ответов — 2 месяца.
Жюри олимпийской викторины.

ОДНАЖДЫ В АНТАРКТИДЕ

В тот день в антарктическом поселке Мирный все занимались делом: сейсмологи наблюдали за приборами, метеорологи измеряли силу ветра, гидрологи — толщину льда. А повар готовил обед.

Бездельничал пес Смелый. Он ждал обеда. Он привык, что повар кормит его в первую очередь...

В это время в поселок с дружескими намерениями заглянули два пингвина...

«Прогоню-ка их...»

Пингвины оказались не из пугливых. Смелый заходил слева. Заходил справа.

И даже пытался обойти пингвинов с тыла...

Но, получив удар по носу, постыдно бежал... И хорошо, что все, кроме него, были заняты делом и не видели его позора...

Теперь, куда бы ни пошли гидрологи, сейсмологи или метеорологи, Смелый с ними. К пингвинам больше не пристает. И к повару приходит в самую последнюю очередь.

Фото Б. Шельпякова

ТАЙНЫ МАГНИТА

В руках у меня молоток и гвоздь. Беру доску, размахиваюсь.

Но что это? Молоток, так и не задев гвоздя, отскакивает далеко в сторону. Еще прицеливаюсь — снова промах. Пространство над шляпкой как заколдованное: сопротивляется удару, пружинит...

В чем дело?

— Да в том, — смеется мой собеседник член-корреспондент Академии наук СССР Яков Савельевич Шур, — что и молоток, и гвоздь — сверхсильные магниты. А вы упрямо пытаетесь соединить их одноименными полюсами.

Переворачиваю молоток. Теперь гвоздь забит с одного удара. Зато новая беда — молоток прилип к шляпке. Кладу доску на пол, упираюсь ногой. Рывок и... гвоздь выдран из доски, будто клещами. Вот так чудо-магниты.

А зачем нужны сверхмощные магниты?

Оказывается, чем мощнее магнит, тем он меньше, а значит, тем меньше габариты телевизора, магнитофона, радиоприемника и множества других приборов, которые без магнита построить никак нельзя.

* * *

Вообразите, что по нескончаемому бетонному желобу бесшумно мчится серебристый поезд-ракета. Скорость — более пятисот километров в час. Локомотив? Его не видно. Цепочка вагончиков-близнецов летит, порой не касаясь земли...

Мечта? Нет! Именно так выглядит магнитолет — экспресс недалекого будущего, над постройкой которого сейчас работают советские ученые и инженеры.

...В институте «Транспрогресс» Миннефтегазстроя испытывается модель поезда без колес. Их заменители — постоянные магниты, расположенные под вагоном и вдоль пути. Отталкиваясь друг от друга, магниты удерживают вагончики в воздухе, а особого рода двигатель обеспечивает движение.

— Трасса магнитолета, — говорят его создатели, — будет изолирована от пересечения с другими дорогами. Она пройдет словно по невидимому коридору из магнитных полей.

Вот еще одно преимущество экспресса завтрашнего дня: вокзал для него можно строить в центре города, в подземном тоннеле, аналогично станции метрополитена.

А вот и последняя новость: первые экспериментальные линии поездов с магнитами вместо колес появятся под Москвой и в Алма-Ате уже в нынешней пятилетке.

* * *

Может ли ржаное зернышко заменить стрелку магнитного компаса? Не торопитесь с ответом. Давайте вместе проведем опыт.

На тончайших и длинных шелковых нитях подвесим семена различных растений. После того как они перестанут покачиваться, поднесем к ним магнит. Не удивляйтесь, семена моментально сориентируются вдоль потока магнитных силовых линий, словно крохотные стрелки компаса.

Что обещают эти опыты? Многое.

Ученые стали увеличивать урожайность растений, создавая на опытных делянках искусственное магнитное поле. Например, они разбрасывали по полю предварительно намагниченную золу. Или же запекали семена свеклы, редиса, огурцов в шлак — отход мартеновского производства, и это «драже» перед севом намагничивали. Посев дал повышенный урожай.

* * *

Сквозь трубу, которая помещена в магнитное поле, ленинградские инженеры пробовали прокачать мутные отходы производства. Поставленная колба заполнилась прозрачной водой— вся грязь осела на дне. Строительство сооружений для очистки отходов по этому методу станет гораздо дешевле.

Магнит еще не раскрыл всех своих таинственных свойств.

В. ЧЕТКАРЕВ
Рисунки А. Януса

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА.

Оформление
Р. Попова

Год издания 24-й.

ОДИН ПОХОД

Немало известно боевых кораблей-памятников.

В Ленинграде мы бережно сохраняем крейсер революции — «Аврору». В небольшом поселке на Ладоге — катер «Морской охотник», в Новороссийске — торпедный катер... Людям дороги корабли, оставившие след в истории, — большие это корабли или маленькие...

И вот семья кораблей-памятников пополнилась. В Таллинском порту на вечную стоянку поставлена подводная лодка «Лембит».

Летопись ее походов — героическая. Недаром подлодке было присвоено звание — Краснознаменная.

Вот что рассказывает об одном только походе ее командир, капитан I ранга Алексей Михайлович Матиясевич:

«...Боевая тревога. Подняв перископ, уточняю скорость и курсовой угол противника. Теперь все мое внимание приковано к намеченной цели. Это транспорт, идущий головным, он горит, над его четвертым трюмом поднимается густой бурый дым и вырывается пламя. Люди в панике прыгают за борт. Второй транспорт, высоко задрав корму, обнажив винт, уже тонет... И вдруг вижу, что корабль охранения идет прямо на лодку. Лодка скользнула буквально под килем сторожевика, и сразу же нам вслед посыпались глубинные бомбы. Весь корпус лодки задрожал, в аккумуляторной яме произошел взрыв газов. Лодка потеряла ход и стала быстро погружаться.

На глубине 37 метров легли на грунт. Мои команды заглушал шум воды, со свистом врывавшейся в корпус лодки. Весь отсек затянуло удушливым, едким дымом.

— Всем включиться в кислородные приборы!

Тушили пожар, боролись с поступающей в лодку водой. И наконец поступление воды в трюм прекратили...

А над нами на поверхности по-прежнему ходят фашистские катера. Они то проносятся над лодкой полным ходом, то отходят на некоторое расстояние и стоят — слушают. А у нас все шумящие механизмы остановлены. Только морские часы продолжают мерно тикать, и звук этот в наступившей тишине кажется очень громким.

Однако ждать больше нельзя. Кислород в приборах подходит к концу. Надо всплывать...

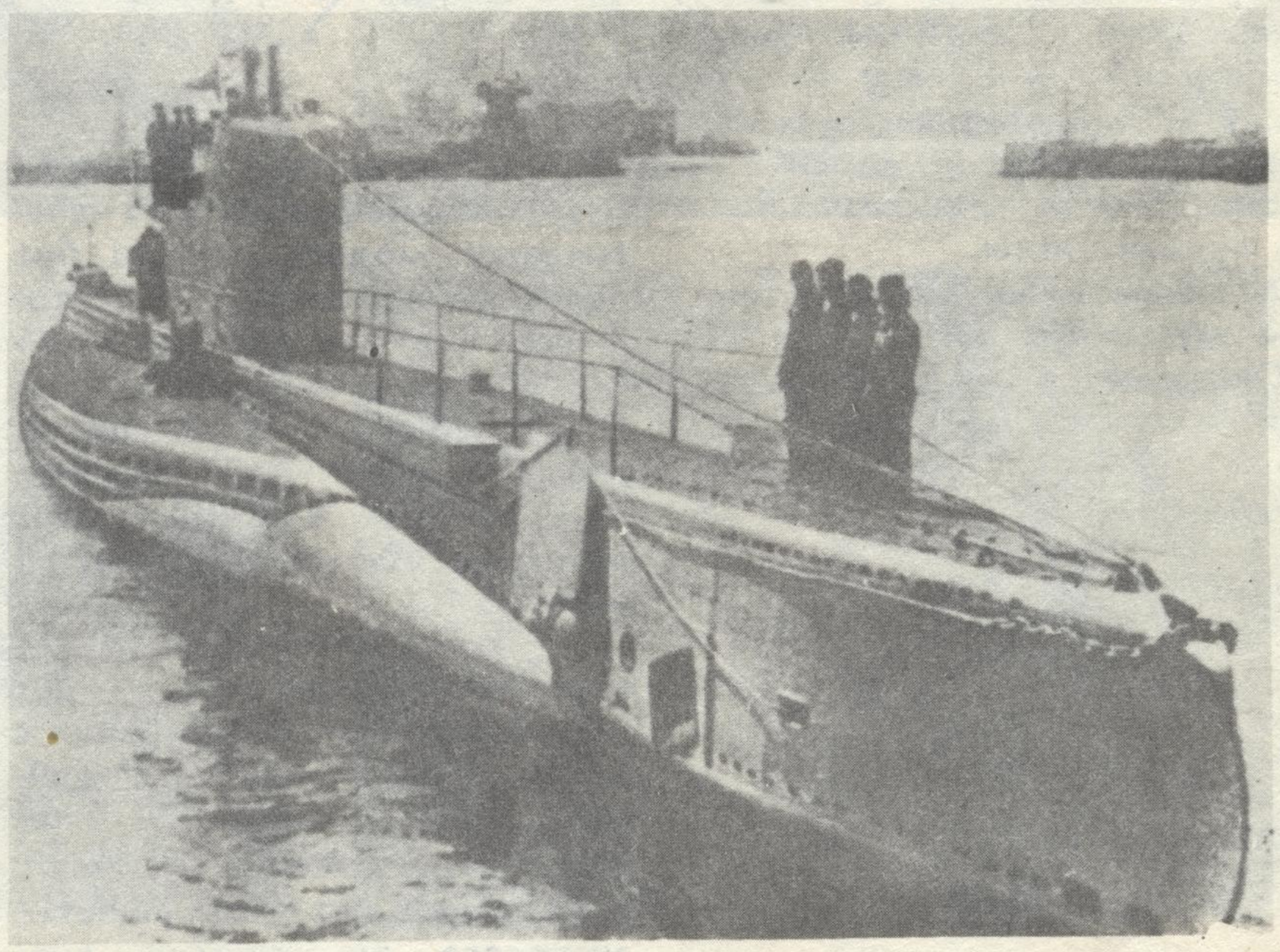
Личному составу раздали ручное оружие, пушку подготовили к подъему. Как только мы покажемся на поверхности, нам предстоит выдержать надводный бой...

— По местам стоять! К всплытию!

...Подводная лодка как-то нехотя, со скрежетом закачалась и медленно начала всплывать, а затем стремительно вырвалась на поверхность.

Отдраиваю рубочный люк.

Море спокойно, вокруг пустынно — кораблей противника нет. Мы уходим подальше от места, чуть не ставшего нашей могилой...»

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

Двадцать шесть дней продолжалось плавание флотилии юных моряков Московского детского речного пароходства. Флотилия — два теплохода, «Экватор» и «Антарес», — посетила несколько портов на Волге. В городе Горьком у юных моряков состоялась встреча с юными моряками детского пароходства имени Аркадия Гайдара.

В походе ребята стояли вахты на капитанском мостике, у машин, в радиорубке.

СМЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Американского инженера по фамилии Спиесс можно назвать смелым человеком. Он переплыл Атлантику на парусной лодке длиной в три метра. Это пока самый маленький парусник, проделавший подобное путешествие.

КАК ГРУЗЫ ВОЗЯТ

Как-то попалась мне картинка: у причала южноамериканского порта стоит старинный парусник, а на берегу — весь груз, который он должен вместить в свои трюмы. Были там тюки, ящики, бочки, боченки, мешки, бутыли, сундуки, корзины, связки бананов и кокосовых орехов и даже... перевернутые на спину морские черепахи. Черепахи тоже были грузом, потому что они долго могут жить без воды и пищи, и их мясо как бы хранится про запас... Грузили весь этот «базар» недели три.

Картинка вспомнилась мне, когда я увидел возле причала современное грузовое судно. На берегу тоже был груз. Но весь он состоял из больших металлических ящиков — контейнеров. Все ящики одинаковые, на них адрес: страна и порт. Их грузят в трюм — один на другой и ставят еще на палубу. И грузить удобно и груз дойдет в сохранности.

А недавно придумали еще лучше. Контейнеры, которые нужно сгружать в одном порту, складывают в небольшое судно — лихтер. Грузы для другого порта — в другой лихтер. Для третьего — в третий. И так далее. Все лихтеры одной формы. Их поднимут краном и поставят внутрь громадного судна — лихтеровоза. Придет лихтеровоз в порт, лихтер спустят на воду и буксир толкает его к берегу. Приехали.

Олег ОРЛОВ

ЗАЧЕМ РЫБЕ ПЛАВНИКИ?

Смешной вопрос. Конечно, затем, чтобы плавать...

...В синей глубине, словно торпеды, мчатся хищные макрели. Миг — и настигнут стаю небольших рыб. Но те, набрав скорость, взлетают вдруг над океаном и, расправив прозрачные плавники-крылья, планируют над волнами. Так летучие рыбы спасаются от погони.

А вот в кромешной тьме по дну моря, словно на ходулях, движется небольшая рыбка. Ходули — плавники, а рыба называется — бентозавр. Плавники не только заменяют ей ноги, но и глаза. На концах у них — чувствительные точки, позволяющие бентозавру отыскивать корм.

Илистому прыгуну плавники помогают лазать по деревьям — манграм.

У морского нетопыря спинной плавник превратился в удочку, которой он приманивает неосторожных рыбешек.

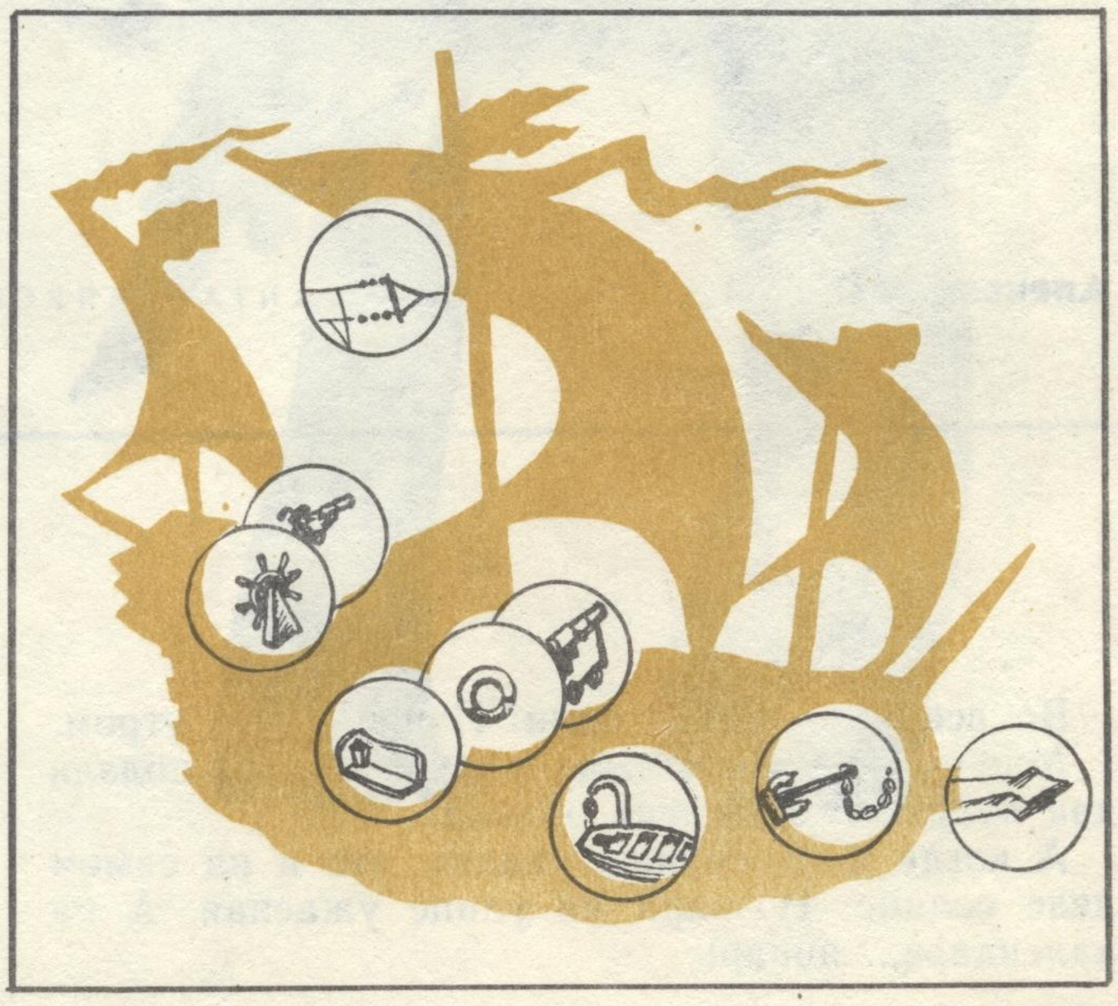
Но самое удивительное превращение произошло с плавником рыбы-прилипалы. Ее спинной плавник — это присоска, с помощью которой прилипала путешествует, «прилипнув» к быстроходной рыбе или к днищу корабля.

Вот вам и плавники, чтобы плавать...

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ В «МОРСКОЙ ГАЗЕТЕ»
(см. «КОСТЕР: №№ 9, 11, 1979 г.).

На каравелле не могло быть: радиоантенны, тарана, современного якоря, якорной цепи, спасательных кругов, бортовых огней, штурвала, подзорной трубы, шлюпок на шлюпбалках, пушек на колесных станках.

Опасные животные: физалия, морской еж-диадема, рыба-крылатка. Остальные для человека не опасны.

Алексей МОРГУН ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ **Рисунки А. Ивашенцевой**

НЕВЕРОЯТНО, НО ФАКТ

Во всем виноват я один. Понял я это утром.

Мне снилось лето. Было жарко. По небу ползли два кудрявых ленивых облака...

А когда я проснулся, увидел, что и на самом деле солнце. И жара на улице ужасная. А на календаре... январь.

«Вечерка» напечатала заметку «Проказы матушки-зимы». Вот она:

«Мощный антициклон неожиданно вторгся в наши пределы со стороны Индийского океана,— сообщили нашему корреспонденту в Бюро прогнозов. — Поэтому лето на неделю вернулось. Предполагается, что в последний раз такое явление наблюдалось двадцать — двадцать пять тысяч лет тому назад».

ГОВОРЯЩИЙ КРОКОДИЛ ГЕНА

В общем, это необъяснимо и относится к разряду чудес. Представьте: снится человеку что-нибудь, а когда он просыпается, это «что-нибудь» — сновидение — материализуется и оказывается рядом наяву. Свихнуться можно, а разгадку чуду не найти.

Чем дальше, тем все более удивительные вещи мне снятся. Вот вчера: прихожу во сне в столовку на нашей улице. Даю кассиру рубль, получаю сдачу, сорок восемь копеек. Проснулся, а на столе — та самая сдача, сорок восемь копеек. Это, я понимаю, жизнь! Жаль, что я кассиру не десятку, а рубль дал. Сколько бы сдачи набежало!

Вот тогда я впервые почувствовал: мое чудо — это не пустячок. Мне ведь кое-что и более интересное присниться может.

До чего приятно ощущать собственное могущество. Но и обидно. Ведь о нем, кроме меня, никто не знает. Тогда я решил рассказать все Юрке, приятелю и однокласснику.

Удивительно, но Юрка сразу поверил.

— Знаешь, давай договоримся. То, что я увижу сегодня ночью, — твое.

— Слушай, а что тебе приснится?

Он не понял, что я не могу выбирать сны, как товар в универмаге. Кое-как объяснил ему это. Потом Юрка позвонил домой, и ему разрешили заночевать у меня.

Моих родителей нет уже неделю — подвернулись две путевки в горы. Пришлось клятвенно пообещать:

а) заниматься не менее трех часов в сутки;

б) не связываться с плохой компанией;

в) не умереть с голода, а регулярно посещать столовую и аккуратно поедать там обед из четырех блюд.

Итак, Юрка остался у меня ночевать, а я отправился за подарком для него — заснул, то есть.

...Была Африка, берег Нила. И я познакомился с симпатичной парой крокодилов. Вернее, с троицей. Потому что вскоре после нашего знакомства из воды высунулась зубастая пасть крокодиленка. Он вопил:

— Маманя, жрать хочу! — и при этом смотрел на меня с намеком.

— Что ты, Геночка, — отвечала ему мамаша.— Серега наш друг. Если мы его съедим, я буду плакать.

Крокодильчик, видно, нежно относился к родительнице и согласился с завтраком подождать.

Короче, когда утром Юрка разбудил меня, в моих руках оказался этот самый зеленый друг. Самое удивительное — он по-прежнему разговаривал.

— Здорово, носатый, — сказал он Юрке.

— Кто это? — Юрка попятился.

— Да вот, — смутился я, — подарок. Нильский крокодильчик, Гена.

— Геночка! — капризно поправил крокодиленок.

У Юрки от негодования засверкали глаза.

— Ну, знаешь, — бормотал он. — Не ожидал от тебя...

Похоже, мой подарок Юрке не очень приглянулся.

— Не волнуйся, — сказал я. — Честное слово, я не хотел, но так получилось. Вот что, сегодняшний сон тоже будет твоим.

Юрка стал ломаться, но уговорить его было для меня теперь делом чести.

— А как быть с этим... Геной? — спросил он, наконец.

— Отнеси домой, — посоветовал я. — Все-таки говорящий, не каждый день встречаются. Он еще принесет тебе счастье, такое у меня предчувствие.

Юрка подумал, потом невежливо сунул Гену под мышку и потащил домой. По дороге он собрал огромную толпу зевак. Когда толпа под окнами разошлась, Юрка вернулся ко мне. Часов в девять вечера он даже спел мне колыбельную, и я благополучно уснул.

Раньше со мной такого не случалось: сон повторился. Опять была Африка, берег Нила. И заплаканная чета крокодилов спрашивала меня, что случилось с их ребенком. Я долго их успокаивал, гладил по соленым от слез мордам. В этот момент меня разбудили. Перед Юркой я предстал на этот раз с двумя взрослыми крокодилами. Он и сам позеленел, когда нас увидел. И даже не удивился, словно этого как раз и ожидал. Юрка выдавил из себя протяжное: «Ну-у-у-...» —

и выскочил из комнаты. А я остался с двумя крокодилами. Мы вспоминали веселого Геночку, потом мамаша беззлобно сказала:

— Съесть бы тебя за такие дела! Да только знаю — переживать буду! А здоровье уже не то, нервы... Ладно, живи.

Мы вместе обсудили положение и решили временно поселить их в зоопарке. А я тем временем попробую освободить Геночку. Хотя, конечно, из-за ссоры с Юркой сделать это будет нелегко. И крокодилы поползли в зоопарк, сдаваться.

Рано утром зазвонил телефон. Глухо и безутешно со мной поздоровалась мамаша-крокодильша.

— Как устроились? — спросил я. — Непривычно, поди?

— Нет, ничего, — ответила крокодильша. — Как на курорте. Есть дают вовремя, пища калорийная. Сторож — пенсионер, время от времени можно отлучаться. Вот я выбралась позвонить, пока супруг зрителям голову морочит — делает стойку на ушах. Так что у нас все нормально. Одно мучит: как там наш Геночка? Не удалось его еще высвободить?

Этого вопроса я и боялся. О Геночке, признаться, я позабыл, не до него было. Но не говорить же крокодильше правду.

— Скоро выручим Геночку, — подбодрил я ее. — Есть у меня один план. Скоро все будет в порядке.

Мамаша даже прослезилась.

— Золотой ты мой, — сказала она почти рыдая. — Ты только верни Геночку, мы век тебя благодарить будем.

Так закончился этот разговор. Я тут же набрал номер Юркиного телефона.

— Слушай, — сказал я. — У меня к тебе просьба.

— Ну? — заинтересовался Юрка.

— Ты бы не мог вернуть крокодиленка?

Трубка возмущенно задышала, потом послышался Юркин голос:

— Мы с тобой больше не знакомы.

ТЕРЯЮ ДРУГА

Теперь, особо, о Таньке. Она тоже знает о моих удивительных способностях. Но не только поэтому.

Мы познакомились год назад на математической олимпиаде. До этого я ее не замечал, хотя учились в параллельных классах. А тут — заметил. А потом она меня на день рождения пригласила.

Вот я и рассказал Таньке о своих чудесах. С шуточками, понятно, с прибауточками. Она почему-то нахмурилась и спросила:

— И давно это с тобой, Сережа?

— Недели две.

— Все правильно, — подтвердила она какие-то свои догадки. — Ты изменился за это время. Теперь ясно, почему.

— И как тебе этот новый Серега Соколов? — спросил я не без гордости. Танька в эту минуту показалась мне не по-земному красивой.

— Хуже, чем вчера, — огорошила меня Танька. — В тебе с каждым днем прибавляется самоуверенности. Ты кажешься себе исключением, гением, сделавшим открытие. А открыл ты одно: иногда можно потреблять без ограничений, ничего не давая взамен. И тебе это нравится. Вот в чем беда.

Она могла не говорить так долго. Мне с самого начала все стало предельно ясно. До чего измельчало человечество! Даже Танька мне позавидовала. Чего тогда ждать от других?! Но терять Таньку мне не хотелось.

— Завтра же, о прекраснейшая, подарю тебе дворец с рабами. Пользуйся и вспоминай Серегу добрым словом.

Но Танька вспылила:

— Опять?

— Что опять? — не выдержал я. — Я знаю, что говорю.

И тут меня озарила догадка. Я понял, почему Танька так волнуется, и поспешил ее быстрее успокоить:

— Не бойся, — сказал я, — в нашей дружбе это ничего не меняет. Мы с тобой по-прежнему друзья, я тебя не брошу.

Танька опешила, подумала секунду.

— У тебя ко всему прочему, Серега, прогрессирует слабоумие. Лечись. Если поправишься, то... может, я тебя и не брошу.

И она вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

ТЕЛЕФОННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Поздно вечером зазвонил телефон. Я стартовал с дивана, как знаменитый спринтер Валерий Борзов.

— Сереженька? — скорбно спросил меня бас. Это был крокодил-отец. — Поговорим как мужчина с мужчиной. Ты скоро нам сына вернешь?

— Слушай, папаша, — сказал я ему. — Если бы ты знал, как мне не до тебя. Отвяжитесь вы от меня на несколько дней со своим Геночкой.

— Как это отвяжитесь? — загорячился крокодил-отец. — Ты хоть соображаешь, что говоришь? Знаешь, что мы с тобой сделаем? Перед своей совестью ответим, а сделаем. Век свободы не видать — с запалом ответил крокодил и клацнул зубами.

Через час опять забренчал телефон. И я опять побежал к нему. В трубке пыхтение.

— Это ты, жулик? — спросила меня трубка голосом мамаши-крокодильши. — Мне мой старый все рассказал. Он, видать, с тобой слишком ласково разговаривал. Так теперь я тебе скажу, что с тобой будет.

Очень мне не хотелось с ней разговаривать.

— Знаете что?..

— Что?

— Подите к черту! — и брякнул трубку. Только успел отойти — звонок.

Тут уже я распсиховался и сразу заорал в трубку:

— Идите к черту!

А мне говорят:

— Спасибо за добрый совет. Наверное, я так, Сережа, и поступлю.

И короткие гудки. А я стою — обалдевший, удивительно неудачливый человек. Это ведь Танька звонила.

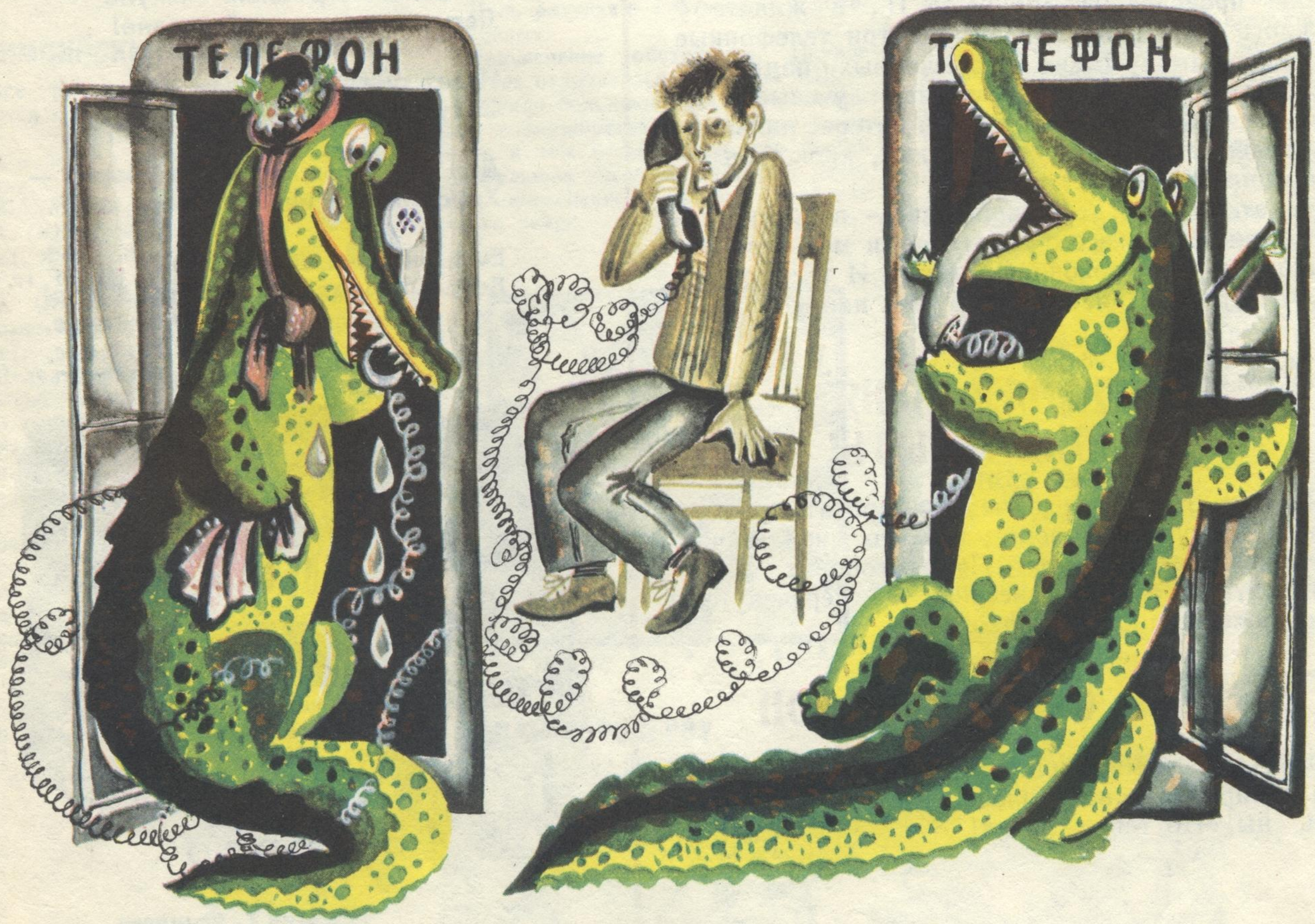
ЧТО ПРОШЛО, ТО УЖ НЕ ВЕРНЕШЬ

Провожу важный эксперимент: учусь управлять снами. Чтобы вовремя просыпаться. Получается неплохо. Честно говоря, вчерашний эксперимент был вынужденным.

Я до того закрутился со своими переживаниями, что совершенно не подготовился к опросу по физике. Эти опросы наша физичка придумала. С письменной частью — задачами — я еще справился, но устно отвечал так, что физичка уже после первых фраз выставила меня за дверь.

И вот на сон грядущий я задался целью: восстановить события опроса и... все переиначить.

Во сне я снова отвечал нашей нервной физичке. С открытым ртом она выслушала то, что я ей выдал, отвечая на вопросы. Потом поставила мне в дневник «отлично» и даже проводила под руку до двери. Я вернулся домой, лег на диван, взял в руки дневник и заставил себя проснуться. Открыл дневник, в нем — пятерка.

На радостях я решил позвонить Таньке. Танька выслушала мой рассказ, помолчала, потом сказала:

— Жаль, а я еще надеялась. Если по правде, мне не хотелось бы тебя терять, Соколов.

— Чудачка! — сказал я. — Зачем же меня терять?

— Я неточно выразилась, Серега, — грустно ответила Танька. — Я боялась тебя потерять, в прошлом.

Раньше я думал, что если мы с Танькой расстанемся — умру. Но я не умер и больше никогда не позволю себе влюбляться. Пусть лучше меня любят другие, это пожалуйста. Но сам... Ни за какие коврижки.

ОПЯТЬ ТЕЛЕФОН

Звонок. Скрежет. Кряхтение. Будто работает огромная ржавая мясорубка. Наконец голос:

— И с тобой так будет. Ты будешь до-о-олго мучиться.

И все. Звуки обрываются. Мертвая тишина. Такие зконки повторяются раз шесть в сутки.

ЗАМЕТКА В „ВЕЧЕРКЕ“

«В городе пойманы два крокодила, сбежавшие из зоопарка. Прибывший на место происшествия ветеринар обнаружил у беглецов нарушения в деятельности желудка. Во время операции, блестяще проведенной хирургом Н., в животе у каждого крокодила найдены по три телефонные трубки. Самочувствие необычайных пациентов нормальное. Этот случай изучают ученые. Они пытаются выяснить: чем вызван интерес нильских пришельцев к телефонам? Может, крокодилы — мыслящие существа?»

Заметка так и заканчивалась — вопросительным знаком. Во всем мире я один мог ответить точно: эти два крокодила мыслят. И телефонные трубки откусывали неспроста, а с намеком.

ВЕСЕЛО БЕЗ МЕНЯ? НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Я один. Никто ни о чем не просит, никому ничего не нужно. Говорят, что «со мной сейчас общаться невозможно». Пусть говорят. Пока существуют гении, завистники не переведутся. Мне даже жаль завистников.

САМЫЙ СТРАШНЫЙ СОН

Этой ночью мне приснился самый страшный сон в мире. Мне приснилось, что я перестал видеть сны. Что теперь будет!

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ!

Вьюга кружится и стелется,
Воет на поле метелица,
Наступает холод,
А для птичек — голод.
Поставь кормушку у окна!
Пускай всех птиц зовет она.

Оксана Семиколенко,
3-й класс,
Челябинск

ЗИМУШКА

На белом стройном скакуне
Летит зима по всей стране!

Несет она сюрпризы —
Сосульки на карнизы.

Для стройных беленьких берез —
Хрустальный иней в сотни кос.

Еще она для всех несет
Веселый праздник — Новый год!

Таня Правдивая,
7-й класс,
Черниговская область

Рисунки Г. Якимович

С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ

В штаб АРЧЕБЕКА поступили вопросы. Отвечаем:

1. Кто из просивших о зачислении в Армию Разведчиков Черно-Белых Клеток принят? **Приняты все!**

2. Кто из пожелавших выступить в соревновании «Олимпийский-80» допущен к участию? **Допущены все!**

3. Можно ли еще записаться в АРЧЕБЕК — в шахматный (шашечный) турнир «Олимпийский-80»? **Можно! Для этого нужно срочно написать заявку** («Прошу принять меня...») **в адрес АРЧЕБЕКА** — 193015, Ленинград, Таврическая, 37, «Костер», АРЧЕБЕК. Принят будет каждый!

ОЛИМПИЙСКИЙ-80

Все разведчики сегодня отправляются в

РЕЙД ВТОРОЙ

А в нем их ждут такие боевые задания.

ШАХМАТЫ:

А. (Ю. Селявкин, Воронеж). Белые: Крa1, Фd4, Cd1; черные: Крa3, Кd3, пп. a4, b4, d5.

Б. (А. Шапошников, г. Горький). Белые: Крd5, Фd1, Се8, Кf8; черные: Крe7.

Цель разведки: объявить черному королю мат: в А — в 2 хода, в Б — в 3 хода.

Разъяснение обстановки: в решении двухходовой задачи достаточно указать первый ход белых, который, по данным разведки, при любых ответах черных обеспечит мат; в решении задачи на мат в три (и более) хода требуется указать: а) первый ход белых, б) защиты черных от угрозы (если она есть) и ответные действия белых. Пример (см. диагр.).

Дать мат в три хода. В итоге разведки находим решение и записываем его так:

1. Фd4! (Угроза 2. Фd5X) Cg8 2. Ф:d7.

Или 1. ...Крb7 2. a8Ф+!

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. (В. Пирюткин, Ростов-на-Дону). Белые: a3, b2, c3, d2, e3, f2, h2; черные: a5, b6, c5, e5, e7, g7, h4.

Б. (В. Пирюткин). Белые: a5, c1, e1, f2, f4, g3, h2, h6; черные: a3, b4, c3, d4, e7, f8, g7, h4.

Цель разведки: найти за белых победные комбинации.

Разъяснение обстановки: В обеих позициях, на первый взгляд, кажется, что дела белых плохи. Разведчики должны доказать, что это не так.

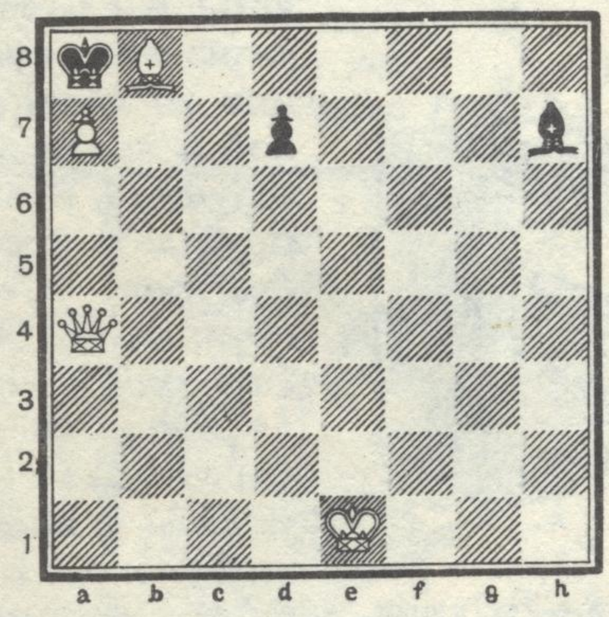
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 23, 28,, 33, 39, 40; черные: 13, 14, 17, 22, 35.

Б. Белые: 25, 29, 34, 39, 40; черные: 13, 14, 15, 19, 22, 32, 35.

Цель разведки: найти пути к победе белых.

Разъяснение обстановки. Первое из трех отличительных правил МШ — «правило большинства»: **при нескольких возможностях удара обязательно бить в том направлении, где бьется наибольшее число шашек.** Оно находит применение в боевых заданиях этого рейда.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

1. Сыграй 25 партий (не сразу, разумеется) и напиши рапорт о том, как они закончились.

2. Запомни, как расценивается сила фигур:

а) пешка — единица,

б) слон или конь — три единицы (то есть три пешки),

в) ладья — пять единиц,

г) ферзь — девять единиц.

Зная это, ты сможешь определять, выгоден или нет размен, который встретится у тебя в партии.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 10. Кто сказал что? Знай сказал, что белые выиграют. так как три дамки, владеющие большой дорогой, всегда ловят одинокую дамку противника. Сомневающиеся смогут в этом убедиться в следующем отделе АРЧЕБЕКА; там же будут названы призеры этого конкурса. **Задание резерву.** Мат в 4 хода — 1. Лh7 Крpg8 2. Лcg7+ Крpf8 3. f6.

«Костер» № 11. Тренировочная кабина: А. 1. Фg5!, и если Кf6, то 2. Фe5+!, а если Крc7, то 2. Фd8+8! **Б.** 1. Фb7! Крe8 2. Крpg7 Крpd8 3. Крpf6. **В.** 1. f6! g7 2. g5!X. **Г.** 1. 34! 49 2. 28! 33 3. 29X.

«Костер» № 12. Тренировочная кабина: ШХМ — № 1. 1. Се4! № 2. 1. Крph2 2. Крpg1 3. Крpf1 4. Крpe1 5. Крpd1 6. Крpc1 7. Крpb2. **РШ** — черная шашка стояла на g5 (и тогда 1. d6! e5 2. d4!X). **МШ** — 1. 48—43! 2. 42! 3. 43X.

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем разведчикам отправить рапорты с решениями боевых заданий до 15 апреля.

§ 2. Рапортовать только на открытках (почтовых карточках)!

§ 3. В левом верхнем углу рапорта указать номер рейда разведки и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

— Ты прочел только половину книги?
— Да. А как вы догадались?
— А вторая половина — чистая...

Рисунок К. Леонидова

Частушки

Еф. ЕФИМОВСКИЙ

Николай пример решал,
А Сергей ему мешал.
Вот, ребята, вам пример.
Как нельзя решать пример.

Обещал ребятам Павлик:
«Единицу я исправлю.
Я немного подучу —
Завтра двойку получу!»

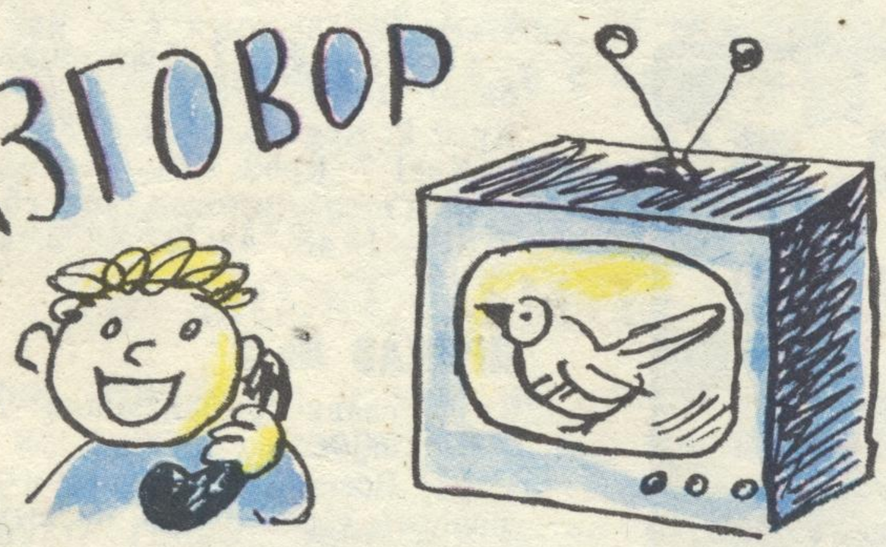

Трудный гол забил Сережка:
Шайбою попал в окошко.
Мы еще бы с ним забили,
Если б нас не удалили.

Леонид **КАМИНСКИЙ**

РАЗГОВОР

Это кто, Петька? Привет, это я — Шурик. Как дела? Кино смотрел? Ну, по первой программе? Ага, здорово! А я первую серию не видел, я тогда «Папу, маму и я» смотрел. Петька, этот усатый — кто? Белый офицер? Я так и думал. Нет, я сначала не понял, а потом понял. А помнишь, тот толстый — только он за револьвер, а Золотухин сзади — рраз! Шикарно! Что? Нет, я потом на первую переключил. «В мире животных». Про кукушку — не видел? Зря! Представляешь, подкидывает она свое яйцо в чужое гнездо, а хозяева, чокнутые, ничего не замечают, давай высиживать! А самое интересное дальше: вылупляется из яйца кукушонок и начинает других птенцов из гнезда выпихивать. Нахально так, спиной и локтями, как Колька Чугунов в очереди в буфете. Всех вытолкнет, а потом клюв вовсю разевает: кормите меня! А ты что по второй смотрел? «Сельские будни»? А я — мультики по третьей. А потом — «Шахматную школу». Там один очкарик, маленький такой, второклассник, наверное, фигуры так быстро передвигает, как гроссмейстер какой-нибудь. Нет, «Экран — врачу» я не смотрел. Про аппендицит? Потом расскажешь. А по второй ничего интересного не было — «Мелодии любви» передавали. А сейчас ты что смотришь? «Спокойной ночи, малыши!»? Ну, ладно, смотри. Да, а чего я тебе звонил? Нет, по делу. Ага, вспомнил! Ты 115-ю задачу решил? Нет? И я нет. А 118-ю? Тоже не решил? Ни одной не решил? И у меня тоже времени не было. Ладно, не переживай, завтра у Вальки Семенова спишем. Думаю, что решил. Откуда знаю? Да у них дома телевизор не работает — в ремонте. Чего Вальке делать-то остается?

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

КАК-ТО РАЗ...

Тронул раз меня Тарас,
Тронул я Тараса раз...
Так нам трогательно стало —
Слезы брызнули из глаз!

Я усвоил правило:

Чтоб глаголы проспрягать,
Надо папу запрягать...

Алексей ШЛЫГИН

НА ГОРКЕ

— Во дворе на горке
Санки чьи?
— Егорки.
Возмущается мороз:
— Где хозяин?!
— Греет нос.

Валя Рыбин,
10-й класс

Сочинение

Тишина. Идет урок русского языка. Все пишут сочинение.

Когда прошло полчаса, учительница Анна Петровна сказала:

— Все написали? Хорошо. Сейчас Вася Петрушкин прочтет нам свое сочинение на тему «Как я провел лето».

К доске вышел рыжий веснушчатый мальчик с тетрадкой в руках.

— Значит так, — начал он.— «Как я провел лето». Летом я отдыхал у дяди в Москве. Москва — очень большой и красивый город. Дядя водил меня по музеям. Мы были в Эрмитаже и Третьяковке. Гуляли по набережной Невы и посетили Кремль. Москва мне очень понравилась. В следующее лето я поеду в гости к бабушке, в Ригу...

... — которая стоит на Волге! — добавил с последней парты Андрюша Яковлев.

И все засмеялись.

Сысуева Надя,
ученица 3-го класса,
город Онега

ВНИМАНИЕ! КОНКУРС!

«Веселый звонок» объявляет конкурс на юмористический рассказ. Непременные условия:

1. Рассказ должен кончаться фразой:

«...и все засмеялись».

2. Рассказ должен быть смешным, чтобы все засмеялись.

Победителей ждет приз — веселая книжка.

Желаю успеха.

Учитель смеха.

АВТОМОБИЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ *Толика, Алика и Виталика*

Рисунки К. Кюфа

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ ЮНЫХ ПРЫГУНОВ

У НАС В ГОСТЯХ

заслуженный мастер спорта, старший тренер сборной команды СССР по легкой атлетике Игорь Арамович ТЕР-ОВАНЕСЯН.

— Игорь Арамович, вы участник пяти Олимпийских игр, были двукратным рекордсменом мира, тринадцать раз завоевывали звание чемпиона Советского Союза. Чем можно объяснить такое спортивное долголетие?

— Я очень люблю прыгать и до сих пор тренируюсь — вот и все объяснение. Несколько месяцев назад мне удалось установить еще один мировой рекорд, правда, неофициальный — для своей возрастной группы. Это было в Польше, куда я приехал как тренер сборной СССР. Поляки очень удивились, узнав, что я собираюсь выступать в соревнованиях.

— Когда вы завоевали первую спортивную награду?

— В четырнадцать лет, в пионерлагере. Получил грамоту за первое место в шахматном турнире. В детстве я увлекался почти всеми видами легкой атлетики — бегал на спринтерские и средние дистанции, прыгал в высоту, метал диск...

— Несколько лет вашим основным соперником был американский прыгун Ральф Бостон. Какая «схватка» с ним особенно запомнилась вам?

— Я расскажу о соревнованиях, которые закончились не совсем обычно. Они проходили в Нью-Йорке, зимой, в помещении знаменитого спортивного сооружения Мэдисон сквер Гарден.

По правилам соревнований брусок для отталкивания должен заканчиваться пластилиновым валиком. Если прыгун заступает за брусок, на пластилине остается след и можно увидеть, насколько ты заступил. На этот раз американские судьи такого валика не сделали и решали «на глаз» — кто заступает, а кто нет.

Ральф в первом же прыжке захватил лидерство. В третьей попытке я опередил Бостона. Наконец, последняя попытка. На трибунах кричат: «Ральф, побей его!» Мой соперник направляется к старту. Быстрый, ритмичный разбег, отталкивание, полет — и приземление на далеко вытянутые вперед ноги — 8 метров 6 сантиметров!

У меня остается решающая попытка. «Только бы не заступ-

Член совета спортклуба „Кузнечик" Игорь Тер-Ованесян и рекордсменка мира по прыжкам в длину Вильма Бардаускене

Дорогие „кузнечики"! В большой спорт не бывает легкой дороги. Будьте сильными, мужественными, трудолюбивыми. Учитесь побеждать!

И. Тер-Ованесян

пить», — думаю. Разбежался и прыгнул. Во время приземления по реакции на трибунах понял — прыжок далекий. Выхожу из ямы и вижу, судьи совещаются — заступил или нет? Я точно знаю — не заступил. И тут судья поднимает красный флажок — прыжок не засчитывается. Обидно до слез.

После награждения Ральф подошел ко мне и протянул золотую медаль.

— Красивая медаль, — говорю, — поздравляю тебя еще раз.

— Нет, — отвечает Бостон, — это твоя медаль. Ты не заступил в последней попытке, я хорошо видел.

Восемь лет мы выясняли с Ральфом Бостоном — кто же дальше прыгает, и оставили большой спорт, имея одинаковый результат — 8 метров 35 сантиметров. Он был тогда мировым рекордом.

— И долго простоял ваш рекорд!

— Ровно через год его побил американец Боб Бимон. Полет Бимона на 8 метров 90 сантиметров назвали прыжком в двадцать первый век. В одном из выпусков «Кузнечика» я постараюсь рассказать о нем подробнее...

Беседу записал
А. ЯКОВЛЕВ

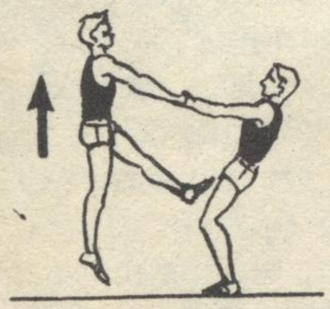
Здравствуй, „Кузнечик"!

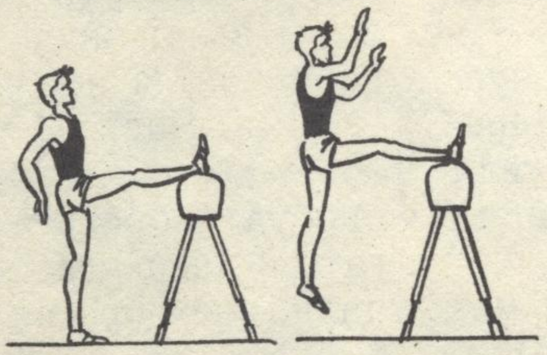
...У нас в школе многие «кузнечики» здорово прыгают. Например, Вера Клепова из четвертого «а». Она заняла второе место на первенстве города, взяла 1 метр 12 сантиметров. Чемпионка школы — Сафронова Слава, она учится в шестом классе, а прыгает лучше десятиклассниц — 1 метр 30 сантиметров! Из мальчиков выше всех прыгает Володя Толстов — постоянный представитель от нашей школы на городских соревнованиях. Ему уже тринадцать лет. Всем нам очень помогает учительница физкультуры Галина Андреевна Копытова, она готовит нас к Олимпийскому конкурсу «Кузнечика»...

Вадик Иванов,
4-б класс,
школа № 3
города Нарвы

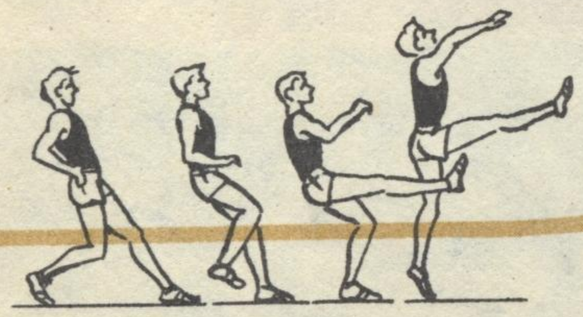
...Летом к нашим соседям приехал в гости один мальчик из города Белая Калитва. Он мне рассказал, что у них каждый год проходят соревнования по прыжкам в высоту, в которых принимают участие школьники всей Ростовской области. Эти соревнования называют Детской Олимпиадой. Вот было бы здорово, если бы такие соревнования проходили не только в Белой Калитве. Если вам не трудно, расскажите, пожалуйста, о них...

Гриша Семенов,
6-й класс,
город Златоуст

ТРЕНИРОВКА

занятие ведет
тренер
по легкой атлетике
В. ЖУЙКОВ

1. Стоя лицом друг к другу, взяться за руки. Один приседает в «пистолетик» и выпрыгивает. Повторить 8—10 раз на каждой ноге. После двух минут отдыха повторить все снова.

2. Ногу положить на любой предмет высотой один метр. Подскоки на месте. Старайтесь оттолкнуться как можно выше. Выполнить по 20 отталкиваний на каждой ноге, после двух минут отдыха серию повторить.

3. Держась за рейку, левая нога впереди, правая сзади, свободный мах вперед прямой правой ногой. Носок взят на себя. Повторить 2 раза по 40—60 махов.

4. То же самое, но подняться на носок. Спина прямая — продолжение выпрямленной толчковой ноги. Все это повторять 2 раза по 40 махов.

СТОЛОВАЯ В СТЕПИ

С. БАБЕНКО

Далеко в степи, за лугами и балками, там, где дорога, устав петлять меж крутых холмов, наконец вырывается на простор и бежит легко и ровно меж заснеженных полей, вдоль горного хребта, у самого асфальта стоит скирда соломы, запорошенная снегом. Летом ее не замечаешь. Стог, как и много других, сиротливо кособочится у дороги, наводя грустное впечатление.

Сейчас скирда выровнялась, похорошела. Зима набросила на нее причудливое покрывало, припорошила снегом, одев ее в праздничный наряд. Иной раз проезжаешь мимо — издали точь в точь как белый медведь в своей шубе, стоит стог у дороги. По крайней мере, мне так кажется. Ну что ж, каждому свое.

Я не об этом хочу рассказать. Как-то недавно, проезжая мимо, я заметил коршуна на телеграфном столбе рядом со скирдой. В другой раз еду, тоже сидит на том же месте, не обращая внимания на проходящие мимо автомашины.

Через неделю то же самое. Остановился, спугнул птицу, она не стала улетать далеко. Перелетела столба на четыре дальше — снова села на один из них. Только тронулся, коршун занял свое прежнее место.

«Тут что-то не так», — решил я. Развернул машину, подъехал поближе и стал наблюдать. Птицы машин меньше боятся, чем человека. Коршун не заставил долго ждать. Зоркий глаз хищника заметил у скирды зазевавшуюся мышь и тут же камнем упал в снег. Поднялся — в цепких лапах свежий завтрак.

Так просто все и разрешилось. Значит, скирда кормит не только скот. Ее услугами пользуются зимой полевые мыши. Тепло и корма достаточно. Коршун заметил это. И не преминул воспользоваться услугами скирды. Выходит, что скирда в эти трудные для пернатых зимние дни стала хорошей столовой для коршуна.

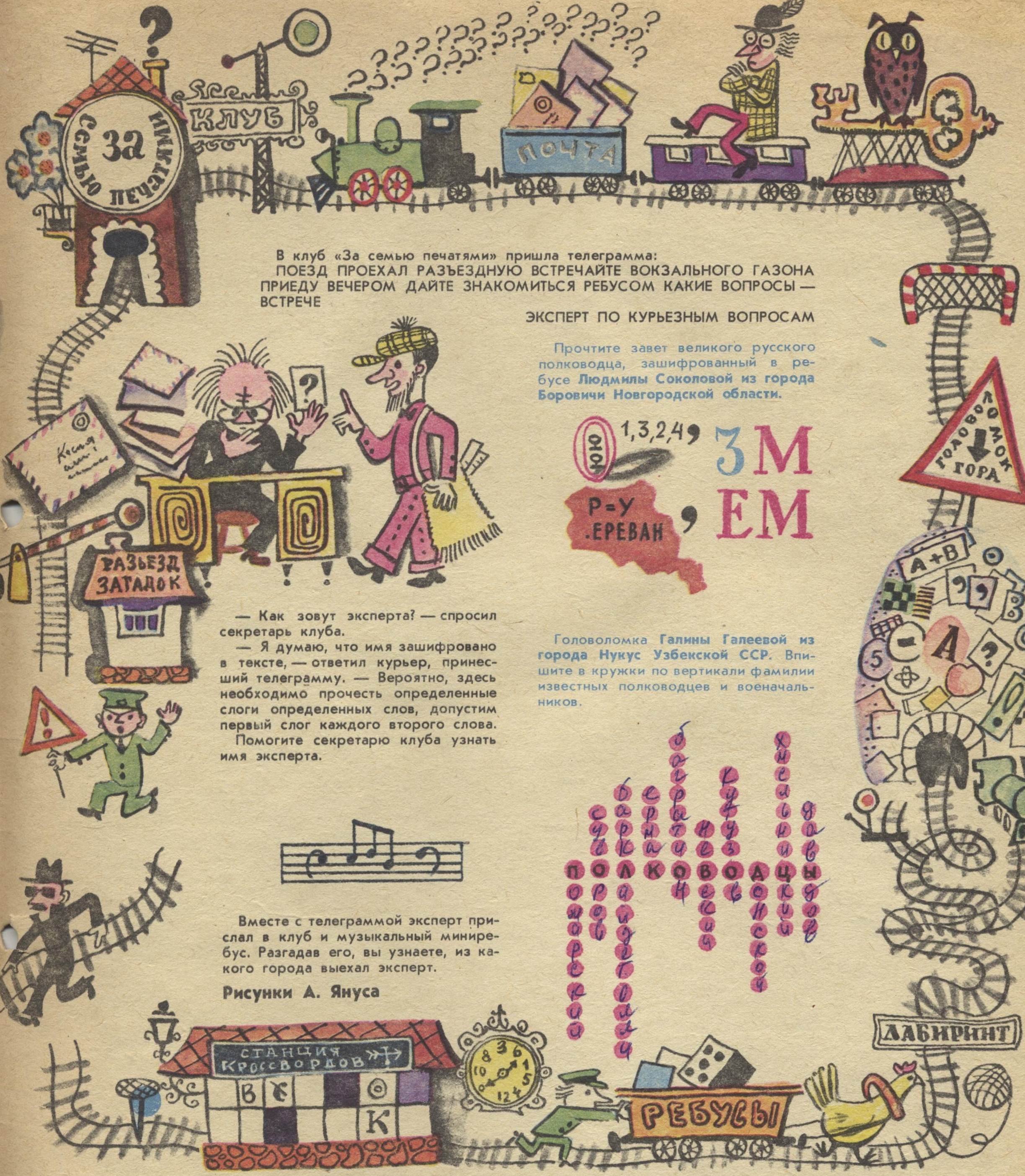
И не только для него. Обойдя вокруг скирды, я заметил следы лисы на свежем снегу и розовенькие лунки в разных местах. Видать, ночью приходила поужинать голодная кумушка. Значит, и ее зимой кормит скирда. Тут же следы дикого козла. Вероятно, и его голод заставил спуститься с гор. Рядом оставил вмятины в рыхлом снегу заяц. Из-под заснеженной шапки соломы выпорхнула стайка хохлатых степных жаворонков. И им, выходит, нашлось место в стогу.

Зима. Настало трудное время для птиц и диких животных. Земля укрыта глубоким снегом. Попробуй добраться до корма. Не просто передвигаться зверю, когда снега по брюхо. Вот и выбрали, пренебрегая опасностью, животные и птицы себе столовую в степи. Она напоминает им беззаботное лето. Кормит и согревает своим теплом.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ, Л. А. БОГАЧУК (зам. главного редактора), В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ, Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), В. И. МАТВИЕНКО, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА Корректор Л. В. ВОРЧЕНКО

В клуб «За семью печатями» пришла телеграмма:

ПОЕЗД ПРОЕХАЛ РАЗЪЕЗДНУЮ ВСТРЕЧАЙТЕ ВОКЗАЛЬНОГО ГАЗОНА ПРИЕДУ ВЕЧЕРОМ ДАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ РЕБУСОМ КАКИЕ ВОПРОСЫ — ВСТРЕЧЕ

ЭКСПЕРТ ПО КУРЬЕЗНЫМ ВОПРОСАМ

— Как зовут эксперта? — спросил секретарь клуба.

— Я думаю, что имя зашифровано в тексте, — ответил курьер, принесший телеграмму. — Вероятно, здесь необходимо прочесть определенные слоги определенных слов, допустим первый слог каждого второго слова.

Помогите секретарю клуба узнать имя эксперта.

Вместе с телеграммой эксперт прислал в клуб и музыкальный миниребус. Разгадав его, вы узнаете, из какого города выехал эксперт.

Рисунки А. Януса

Прочтите завет великого русского полководца, зашифрованный в ребусе **Людмилы Соколовой из города Боровичи Новгородской области.**

Головоломка **Галины Галеевой из города Нукус Узбекской ССР.** Впишите в кружки по вертикали фамилии известных полководцев и военачальников.

Рукописи и фотографии не возвращаются. **Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон: 274-93-84**

М-13305. Сдано в набор 05.11.79 г. Подписано к печати 03.01.80 г. Формат 60×90⅛. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,4. Печать офсетная. Тираж 730 000 экз. Заказ 5010. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

9-42

Анатолий ПЕТРОВ

ПУЛЕМЕТЧИК

Подо Мгой это было,
На черном сугробе
Пулеметчик лежал
В ту январскую ночь.
Пулемет его
Задыхался в ознобе —
Очень надо пехоте
Залегшей помочь.
Очень надо пройти
Сто горячих шагов...
И дожить до победы
Так надо!
Слышит парень — летит
С перекошенных ртов:
«За погибших детей Ленинграда!»

Рисунок А. Харшака

25 к. Индекс 70445